

Хранители Вырицы

Автор-составитель Л. А. Ильюнина

Санкт-Петербург
2016

ББК 86.372
И 48

И 48 **Хранители Вырицы.** Автор-составитель
Л.А.Ильюнина. СПБ: Контраст, 2016. —
2.. стр., илл

Новые материалы о храме в честь Ка-
занской иконы Божией Матери, его насто-
ятелях, строителях и молитвенниках.

ISBN

© Ильюнина Л. А., 2016

Хранители Вырицы

Ангелами-хранителями какого-либо места образно называют людей, которые заботятся о его благоукрашении, о сохранении исторической памяти, о славе небесной и земной. Людей, которые своей жизнью, своей молитвой хранят родную землю. В этой книге собраны материалы из архива одного из самых известных настоятелей храма в честь Казанской иконы Божией Матери в Вырице — протоиерея Алексея Коровина. А также воспоминания потомков вырицких подвижников прп. Серафима и протоиерея Порфирия Десницкого.

Начинаем наше повествование с живых свидетельств о главном хранителе Вырицы — прп. Серафиме. Мы публикуем воспоминания правнучки прп. Серафима — О. Д. Набоко, а также письма простых людей, присланые отцу Алексею Коровину, в которых они вспоминают о своих встречах со старцем Серафимом. Задолго до того, как известный агиограф прп. Серафима — В. П. Филимонов (по его признанию занялся он этой работой только в 1994 году) отец Алексей Коровин начал собирать материалы к канонизации вырицкого старца. Большую часть собранных им материалов, а так же имена и адреса тех людей, воспоминания которых следовало записать, батюшка передал В. П. Филимонову. Работая над книгой «Русская Голгофа и прп. Серафим» автор подверг собранные материалы редакторской правке, что необходимо было для официального жития старца. В архиве же отца Алексея сохранились собственноручно написанные воспоминания очевидцев.

Их простецкий, искренний стиль дает ощущение высшей достоверности, — ты как будто бы переносишься в келью старца и присутствуешь при разговоре, и сердцем чувствуешь тепло и доброту батюшки. Потому мы не решились даже на малейшее редактирование (естественно это не относится к орфографии и пунктуации) исповедей почитателей прп. Серафима.

Хранителями Вырицы являются все те люди, имена которых значатся в публикуемом в книге Синодике о. Алексея Коровина, их он поминал за каждой литургией, — это строители, благотворители, служители храма Казанской иконы Божией Матери. Прежде всего — первый настоятель храма протоиерей Порфирий Десницкий, которому посвящена отдельная часть книги.

Отдельную часть книги мы посвятили самому протоиерею Алексею Коровину — несомненно он также был хранителем Вырицы долгие годы и продолжает быть таковым, так же, как и все наши дорогие отошедшие насельники Вырицы и родители о ней.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*К прославлению иеросхимонаха
Серафима (Муравьева) —
преподобного Серафима Вырицкого*

Письма к о. Алексею Коровину

* * *

Уважаемый священник, имени своего Вы мне не назвали. Я была у Вас в конце лета. Приехала из Ленинграда поклониться могилке о. Серафима и, узнав, что Вы скоро приедете (Вы уезжали за арбузами), решила Вас подождать, чтобы отслужить панихиду на Его могилке. В разговоре с Вами я сказала, что знала о. Серафима еще при жизни, а Вы сказали, что собираете о нем сведения, что о нем известно. И так я наконец собралась написать о нем про себя.

В 1944 году после ранения на фронте меня демобилизовали. В разговоре с людьми я слышала, что

в Вырице есть священник Серафим, он прозорливый, или, как говорят, ясновидящий. К нему едут за благословением, за советом. Он или отговаривает не делать это, или советует и благословляет. Я еще тогда хотела попасть к нему, но все не получалось, да и поезд в то время ходил через 2 часа, не чаще. А время не находилось.

И вот однажды в воскресенье я случайно оказалась около Витебского вокзала. День был хороший, теплый, солнечное утро. Время у меня было свободно целый день, т.к. куда я собиралась, их дома не оказалось. Я подошла к вокзалу и решила узнать хотя бы расписание поездов на Вырицу. Оказалось, что поезд идет через 15 минут. Я подумала и решила ехать. Купила билет, села в поезд и поехала. И вдруг испугалась, дескать, ехать 2 часа в одном платьице легком с короткими рукавами, а вдруг погода испортится, пойдет дождь, а я без жакета, куда я денусь даже без зонтика. (Мне тогда было

33 года). Ну, раз поехала — надо ехать. Приезжаю в Вырицу, и у рынка (тогда рынок был с этой стороны) встречаю задушевную подругу, с которой мы не виделись 14 лет. Она мне так обрадовалась и сразу хотела повести меня к себе, где она снимала дачу. Только говорит, зайдем на минутку на рынок. А я думаю: «Рынок, это грязное место, а я иду к священнику». — «Нет, — говорю, мне надо вначале в одно место сходить, а потом я к тебе приду». Она ответила: «Ладно, я приготовлю обед и дочку пошлю тебя встречать на дорогу». Я пошла, а сама думаю: вот мне Господь посыпает и жакетку, и кров, и обед.

Пошла по дороге. Идет женщина, я спрашиваю: «Как пройти к о. Серафиму?» Она отвечает: «Идемте со мной, я туда же». Идем, разговариваем. Я спрашиваю: «Вы тоже первый раз?» — «Нет, я уже у него была, в тот раз я у него просила совета, уходить мне из столовой или нет, теперь война кончилась, стало легче!» Она

была раздатчица супов. Он ответил: «Пока не уходи, за тебя люди Богу молятся». Она вначале не поняла. Он ей разъяснил: «Когда она особо тощему подливает добавки, он говорит «спасибо», а это значит: «Спаси тебя Бог», и если в день трижды скажут спасибо, это доходит до Богородицы». Она тоже долго собиралась в первый раз, чтобы поехать в Вырицу. Но ее муж вдруг сказал: «Долго ты собираешься и все не едешь, позежай завтра». «Да как же я поеду, ведь двое детей, надо накормить». Он ей ответил: «Не твоя забота, я сам справлюсь, поезжай». А когда она приехала к о. Серафиму, он ей сказал: «Здравствуй, Пелагея, это тебя Иван прислал, хороший он человек, передай ему мое благословение». Она удивилась, что он назвал и ее по имени, и мужа. Откуда же он узнал?

Когда мы с ней подошли к церкви, к отцу Серафиму было человек 30. Вначале он принимал священников, тоже приехавших из Ленинграда к нему на благословение, потом

начал принимать нас. Но батюшка был болен, и матушка его жена, тоже Серафима, просила писать ему записки, кто что просит, а она отнесет. На большом столе мы все писали свои просьбы и отдали ей. Когда она возвратилась, то сказала, что батюшка передал: «Сегодня собрались очень хорошие люди, что он за всех будет молиться, поздравила всех с праздником (Воскресенья), раздала всем ответы на записки, дала всем по просвирке, а мне и еще одной женщине дала по 2, сказав, что это вам для больных. Та сразу запричитала: «Да откуда же он узнал, ведь у меня 4 больных». Двое в квартире, один — напротив в квартире и один этажом ниже, за которыми она ухаживает.

А я думаю: «А у меня больных нет», но молчу, приняла, поблагодарила и держу. И ответом я тоже не была довольна. Там был такой ответ: «Тебе Господь сам пути покажет». Ну, думаю, и ответ, он же ничего не говорит, какая я святая. Сам Господь пути покажет? И где я этот ответ узнаю?

А я просила посоветовать, выходить мне замуж за человека, который мне делал предложение, или нет. Приезжаю домой, в кружке письмо на его имя. Чужих писем я не читаю, а тут подумала: вдруг что-нибудь спешное, а он, может быть, придет через неделю. Жил он по месту работы, а прописан временно был у меня, чтобы получать хлебные карточки, и все письма шли на мой адрес.

Открываю письмо, пишет его сестра, и говорит, что его жена родила сына. Вот тебе Господь сампути показал, решай сама, идти за такого человека, или нет.

На другой день звоню подруге, она меня ругает. Где ты пропала и не звонишь. Мама лежит в больнице уже 2 недели и все тебя спрашивает. Ну, я отвечаю, что сегодня же и приду. Приходу в больницу, больная мне говорит: «Давно тебя жду, мои-то коммунисты (дочь и сын), их не допросишься. Пойди в церковь и закажи молебен о здравии, у меня послезавтра операция, и принеси мне

просфору. «А я уже принесла», — ответила я. «Откуда же ты знала?» — «...А мне отец Серафим дал для больных». Вот какой был прозорливый отец Серафим. Он говорил: «Все, кто ко мне приходил, обо всех я буду молиться. И когда я умру, вы только придите на мою могилку и скажите свою нужду, я услышу и помогу».

А на другой день, батюшка, когда я у Вас слушала панихиду, приехали ко мне неожиданно муж с женой и с внучкой, прожили у меня 10 дней и оставили мне 100 рублей. Я считаю, что это мне дал отец Серафим на мою бедность. Он и при жизни, одни ему давали, а он сразу в народе кому-нибудь отдавал.

В брошюре на 18 листах, где описывается приезд в 1947 году в октябре в Ленинград митрополита Ильи из Ливана. Там, на 6 странице с 14 по 18 строчку упоминается: «Во время войны были великие молитвенники и на Руси, такие как иеросхимонах Серафим Вырицкий, он 1000 дней и ночей стоял в молитве о спасении страны и

народа России в тяжелейшие годы, когда страну терзали враги.

Молился и друг России и молитвенник за нее из братской церкви митрополит гор Ливанских Илия. Он знал, что означает Россия для мира, знал и потому всегда молился о спасении России. Однажды, молясь ночью Казанской Божией Матери, он услышал слова: «Твоя молитва услышана. Россия будет спасена», и вскоре кончилась война. И тогда он решил собрать все сбережения, привезти лично к чудотворной иконе Казанской Божией Матери и привезти Ей золотые венцы на ее голову и на младенца.

Я была в этот день в церкви.

Митрополит Илия говорил проповедь с переводчиком (сам он черный как негр). Он говорил, говорил, что «вы, ленинградцы, счастливы, живете среди стольких чудотворных икон и не цените этого. А я из Ливана приехал, чтобы прикоснуться к этой святыне и побывать около этой иконы Казанской Божией Матери».

Уважаемый священник, то, что я пишу, много воды, вы не обращайте внимания. Выжмите воду, оставьте только то, что вас интересует.

Если возникнут дополнительные вопросы, я с удовольствием вам отвечу.

Лапина Антонина Николаевна.

Если не затруднит, киньте открытку, что получили это письмо.

31 октября 1984 г.

* * *

Я, Круглицкая Нина Егоровна, заявляю, что я отца Серафима Вырицкого признаю за угодника Божия. Так как я отца Серафима знала, когда мне было 19 лет, в то время я еще была молода, не имела болезней и скорбей, узнала я об этом праведнике понаслышке, и меня повлекло поехать к нему. В то время я жила в Ленинграде, одна сама собой поехала в Вырицу разыскивать отца Серафима, нашла. Он меня принял и благословил, после того я часто посещала отца Серафима и не забывала

ла его до его кончины. Сейчас мне 73 года, и мне кажется, я всю свою жизнь прожила счастливо за молитвы праведника отца Серафима. К нему из провинции потом приезжал мой родной отец, и что говорил ему отец Серафим, все сбылось. Заболела моя родная сестра Екатерина, ей тогда было 35 лет. Врачи болезнь признали крайне опасной, даже ей не говорили (скрывали). У нее было двое детей небольших. Врачи сказали, что определи своих детей у своих сродственников на время, так как тебе нужно поехать как можно быстрее в санаторий. Сестра очень засуетилась: как быть, куда определять детей, и вот поехала к отцу Серафиму, он дал ей водички и просвиру и сказал: «Приедешь домой, просвиру разломай на мелкие кусочки и принимай по кусочку натощак каждое утро и вот этой водичкой запивай. Лекарств, что тебе выписали врачи, не принимай». Сестра моя и стала так действовать, как повелел ей отец Серафим, через две недели должна

была явиться на осмотр к врачам. И вот на приеме врачи ослушали, осмотрели и спросили у сестры, чем лечилась. Она все это скрыла, так как в то время за это преследовали. Она врачам сказала: «Я пила те лекарства, которые вы выписывали». Тогда врач сказал: «Вот теперь я скажу, что ты здорова, болезнь у тебя была — две глубоких на легких дыры. Которые могут остаться в живых — из сотни один человек». С тех пор сестра никуда не ездила и не лечилась, только молилась Богу и благодарила за все Божьего угодника отца Серафима. Сестра и сейчас в живых, ей теперь 87 лет.

* * *

Я ветеран труда, участник Великой Отечественной войны. Был на фронте с самого начала войны и до конца. Мой год был демобилизован в 1945 году, а меня демобилизовали в 1946 году, весь 1946 год мы в Финском заливе вылавливали вражеские мины.

В блокаду умерли мои два брата от голода, жена пережила блокаду, в которой умерла наша дочь, родители жены и брат. После блокадного несчастья у моей семьи скопилось много нужды. Мы устали от войны, соскучились по мирному труду. В ноябре меня демобилизовали. Я стал устраиваться на работу, но все время были какие-то препятствия-трудности.

Жена мне сказала — поедем в Вырицу на благословение к отцу Серафиму. Это было в декабре 1946 года, в то время у нас была дочка, которой было три года. В один из декабрьских дней мы приехали в Вырицу на Майский проспект, где жил отец Серафим. В усадьбе около дома, где жил отец Серафим, было так много людей — разнообразного народа, не было очереди и никакого порядка, трудно было подойти к крыльцу. Время от времени на крыльце появлялась матушка и спрашивала: «Вы к батюшке?». Когда скажешь «Да», она уходила и говорила, примет батюшка, или нет. Перед нами

было несколько человек, когда матушка выходила и говорила: «Отец Серафим вас принять не может, вы пришли не с чистым сердцем». Дошла очередь до моей семьи. Вышла матушка и спросила нас: «Вы хотите к батюшке на благословение?». Мы сказали «Да», и она ушла. Через несколько минут вышла и сказала: «Вас примет отец Серафим».

Он полулежал на втором этаже. На нем был головной убор, плюшевая синяя треугольная шапка, рядом стояла скамейка. Он нас всех очень хорошо встретил, предложил сесть на скамейку, благословил, дочке моей дал конфет, погладил по головке, ей в то время было 3 года.

Он обратился к нам со словами: «С чем пришли?». Я все рассказал о жене, о себе, что хочу устроиться на работу, но очень много препятствий-трудностей. Я удивился его светлому разуму, он очень был интересный собеседник, он хорошо знал весь город — все-все предприятия и организации нашего города.

Меня поразило его ясновидение, большой ум во время нашей продолжительной беседы. Он внимательно выслушал меня, куда я ходил и узнавал о работе, благословил меня в одну организацию он и потом, как бы между прочим, сказал:

«Вы счастливые. Хлеб скоро будет стоить три копейки».

И так с благословения отца Серафима в одной организации я проработал 36 лет, из них 12 лет работал, будучи на пенсии. Сейчас я на заслуженном отдыхе, у меня хорошая большая семья. В моей трудовой книжке все исписано: благодарности, благодарности, поощрения, премии.

Когда мы уходили, он нас благословил и сказал: «Когда умру, приходите ко мне на могилу, и я вам буду помогать».

В течение всей прожитой жизни были трудности с работой и семейные трудности. Я бываю на могиле батюшки отца Серафима и всегда ощущаю его помощь. Когда я задумаю поехать к отцу Серафиму, у меня всегда появляется «зеленая улица», даже если я нахожусь на работе.

Алексей Степанович, без даты

* * *

Из рассказа женщины. Она спросила меня: «Вы откуда?». Я сказала: «Из Вырицы». Она спросила меня: «Вы знаете отца Серафима?» Я сказала — знаю. И она мне стала говорить, что у нее «...был любовник, а жена его больная, и мы хотели сойтись вместе. А еще был неженатый, и он мне предлагал с ним сойтись, но мне нравился женатый. И я пошла к отцу Серафиму, чтобы он благословил меня женатым, а про другого ничего не говорила. Вот я говорю: «Отец Серафим, благослови меня выйти за женатого, у него больная жена, и мы хотим сойтись». А отец Серафим говорит: «Я за него не благословляю, а жена встанет и за ним будет ухаживать. А за другого, который свободный и не женатый, я благословляю». А я про него и не говорила ничего. И я послушала отца Серафима и вышла за свободного. А жена поправилась, а он заболел, и жена ухаживала за мужем, и он умер. А

я живу по слову отца Серафима и радуюсь».

Две женщины пошли к отцу Серафиму и говорят: «Пойдем к нему и поболтаем». И пришли, а отец Серафим говорит: «Матушка, принеси 2 стаканчика и 2 ложечки», — и говорит им: «Поболтайте, поболтайте». Они заплакали и стали просить прощения.

Пошли две женщины к отцу Серафиму и взяли с собой гостинец, и пожадничали — много им показалось. И говорят между собой: «Давай отложим и спрячем в кусты, а обратно пойдем и возьмем». Так они и сделали. Половину спрятали, а остальное с собой взяли и пошли. Приходят к отцу Серафиму и отдали, что взяли, а отец Серафим не взял и говорил: «Пойдете, не забудьте взять, что спрятали в кустах». А они заплакали и просили прощения.

Без подписи и даты

* * *

Воспоминание об отце Серафиме. Вырица Ильиной Татьяны Павловны, 1911 г. р.

В 1946 г. в Ленинграде моя знакомая Анна была в отчаянии: без прописки и жилья, ей сказали: в Вырице есть старец Серафим, он помогает людям в беде. Анна поехала, вернулась и говорит, что он сказал: «Будет у тебя прописка и комната, не отчаявайся». Как это может быть, во всех инстанциях отказано. На другой день Анну вызывают в домовую контору и предлагают прописку и комнату. В этом доме в двухкомнатной квартире больные старые люди нуждаются в помощи. Управдом и паспортистка рекомендуют Анну как добросовестного человека, сохранившую в войну чужую квартиру и вещи в этом доме. Анну прописали и дали комнату по уходу за больными одинокими людьми.

В то время я была в безнадежном состоянии, отчаянии и смятении. В то время заболел мой муж, в Риге, а

он надеялся вернуться в Ленинград. Все мои усилия были тщетны. Было понятно, жить в Риге бессмысленно, родня в Ленинграде, это наша родина, и жилище есть довоенное. Сын учился в четвертом классе в Риге. У меня скорбь, тоска, безвыходное состояние. Тогда я тоже поехала к отцу Серафиму, долго ждала приема, а когда вошла к нему, очень растерялась: два живых Серафима: икона Серафима Саровского (над его кроватью) показалась мне живой. Батюшка понял мое состояние и с улыбкой спрашивает: «Татьяна, какие же у тебя скорби?» (А у меня нет уже скорби). Говорю: у меня муж в Риге, а я в Ленинграде. «Так приедет муж». Я говорю, я уже сама знаю, что приедет, хочу взять сына. «Кончится учебный год, и сын приедет». Мне все ясно. Стою, молчу; он говорит: «Татьяна 12 января именинница, пеки пирог, а я в гости приду». Понимаю, сказано не зря, со значением. У меня как будто выросли крылья, стало так легко, светло. Я громко-громко говорю: «Слава

Тебе Господи!» Он благословил меня. Все это произошло неожиданно само собой. Я стала спокойно ждать, легко работать на работе и дома было, и все было, как он сказал.

Моя сестра в унынии и горе, с первых дней войны муж ее ушел в

ополчение с завода Котлякова, трое детей, сын 10 лет умер, две дочки, от мужа никаких известий. Нет похоронки, нет и пенсии на детей. Я предложила ей поехать к отцу Серафиму. Когда подошла очередь, вышла матушка и сказала: «Там двое, пусть заходят обе». Я говорю: «Я была у него, мне больше не надо». Матушка с возмущением: «Он тебя зовет, а тебе не надо». Мы вошли, я встала у окна, а сестра стала говорить несуразное, что она хочет жить в Вырице. Отец Серафим светло улыбнулся и сказал: «А в Вырице вам бы хорошо было». Я поняла, что это он говорит мне, т.к. у меня были законные права и вера в его помощь.

Вскоре сестра получила пенсию на детей за все время, как муж ушел на фронт. Я стала жить в Вырице. Хорошо. В 1962 году умер мой муж, похоронен на Вырицком кладбище. Сколько я проживу, один Бог знает. Я хочу быть похоронена рядом с мужем.

Мне сказали, что отец Серафим говорил: «Ходите ко мне на могилу, как ходили к живому». Я ходила, и он помогал. Третий год я не могу ходить, еле двигаюсь на двух палках.

Написала я это в Страстную субботу, опечалилась, что не могу быть на могиле отца Серафима и в храме Казанской иконы Божией Матери, а лежу на кровати в Ленинграде. В светлое Христово Воскресение неожиданно по радио громко отец Алексей Коровин говорит утешительные слова, и благовест, и великолепный хор Вырицкого храма. Для меня это было чудо.

4 апреля 1990 г.

Приписка о. Алексея: Татьяна Ивановна скончалась летом 1993 года. Много раз я ее напутствовал Св. Тайнами, отпел на дому, а сын ее Володя похоронил на кладбище в Вырице рядом с мужем.

* * *

Ивашова Любовь Сергеевна – 70 лет.

Рассказывает об о. Серафиме, в молитвы которого верила, когда он был живой, и теперь посещает его могилу с твердой уверенностью в его молитвенные представительства.

Любовь Сергеевна сильно болела, исхудала, и была близка к смерти в свои 20 лет. Ее мать (Анастасия Охина) обратилась к о. Серафиму с просьбой помолиться о болящей, на что о. Серафим ответил положительно и в дом болящей прислал монахиню, которая ухаживала за самым больным и немощным о. Серафимом. Монахиня принесла масла и помазала больную Л.

Последняя вскоре стала поправляться, а потом уже сама пришла к отцу Серафиму с благодарностью.

Рассказывает об этом Л. С. С глубокой верой в молитвы о. Серафима, т. к. много помогал ей лично и предсказывал. Например, о том, как их увезли немцы в плен на тяжелые работы. Перед тем как от-

правиться в невольное путешествие, Л. С. была на благословении у о. Серафима, который предсказал о возвращении из плена после победы русских войск, что сбылось по слову о. Серафима.

По кончине о. Серафима Л. С. Также ходила и ходит до сего дня на могилку, когда есть возможность между работой и неотложными домашними делами. Л. С. Сейчас еще работает, т. к. пенсия маленькая, а внучка учится в институте – помогать надо.

Однажды Л. С. Заболела – не двигались руки и ноги, совсем ослабла. Желание побывать на могилке своего давнего благодетеля, молитвенника и исцелителя подвигнуло ее предпринять труд – целый день шла до могилки, хотя расстояние от дома было всего 2 километра с небольшим. Плакала и разговаривала с батюшкой на его могилке, не замечая приходящих и уходящих, не зная, как возвратиться обратно домой. Но вдруг к ней обратился какой-то ста-

ричок и предложил подкрепиться двумя маленькими сушками и двумя кусочками плененного сахара. Л. С., не колеблясь, их съела, продолжая сидеть на скамейке возле могилки. Вскоре почувствовала прилив сил и возвратилась домой уже здоровой.

— Я с могилки песочек беру, дома всыпаю в баночку с водой и пью с верой в молитвы батюшки, и мне всегда становится легче переносить тяготы и испытания. Так, дочь свою спасла от смерти, когда она была еще младенцем. Муж в «скорой» работал. Врачи считали девочку безнадежной и все спрашивали: «Не умерла еще?». Нет. Материнское чувство заставило меня немедленно идти с больным ребенком на могилку о. Серафима, где и была отслужена панихида и взят песочек с могилки. Вскоре ребенку стало легче и легче. По молитвам о. Серафима дети у меня и внуки хорошие.

10.12.1993г.

* * *

Святая Русь

8/VIII-43 Вокресенье

Пройдет гроза над Русскою землей;
Народа Русского Господь грехи простит;
И крест святой Божественной красой
На храмах Божьих вновь ярко блестит!
И звон колоколов всю нашу Русь святую
От сна греховного к спасенью оживит.
Открыты будут вновь обители святые!
И вера в Бога всех соединит!

(а потом, сказал отец Серафим — «будем петь, прошла гроза»).

Перед кончиной о. Серафим завещал «Когда я умру, приходите ко мне как к живому!».

Скончался о. Серафим 3 апреля 1949 г.

К могиле о. Серафима не зарастет народная тропа!

Обращающиеся к нему получают утешение в скорбях и испытаниях.

Я родилась в Вырице в 1913 г. 27 марта. Крестили меня в церкви Пет-

ра и Павла. Но посещала я Казанский приход, где я впервые услышала об иеросхимонахе Серафиме, который очень многим помогал своими молитвами и наставлял на правильный путь жизни.

Во время оккупации Вырицы немцами, в виду тяжелой жизни, мы с сестрой решили пойти к о. Серафиму, т. к. мы собирались в дорогу, менять вещи на хлеб.

Сестра моя, Антонина, была неверующая, креста не носила, и вот, когда мы пришли, и нас матушка повела к отцу Серафиму, сестра подошла к нему и сказала: «Я в Бога не верю и креста не ношу». А о. Серафим ей ответил: «Знаю, Тонюшка, что ты не веришь в Бога, но придет время, и ты будешь верить!» И начал ей говорить: «У тебя муж занимает высокий пост, еще не кончится война, как он тебя найдет, и вы будете очень хорошо жить. Но пройдет время, и пойдут горести, потери и т. д. Вот в это время ты и обратишься к Богу. Но будет уже поздно!»

Все подтвердилось, муж ее нашел с сыном, увез, жили хорошо, но вот — смерть сына, дальше умер муж, и осталась Тонюшка одна, и вот 20 декабря 1991 г. она скончалась.

Подошла и я к о. Серафиму, он посмотрел на меня и сказал: «Ты веришь в Бога, и не забывай Его, предстоит тебе дальше дорога, пойдете вы с сестрой вдвоем, благословляю вас и советую взять 2 санок, т.к. вы много наменяете хлеба; (и он даже назвал деревню Быки, где много молодых парней, они не пошли на войну) и вы там все сменяете на хлеб, советую ехать проселочными дорогами, на не шоссе, т.к. там отберут хлеб». И все получилось так, как он предсказал. Нагрузили нас, но беда — санки одни, мы не послушали о. Серафима и мучились весь обратный путь, т. к. мы много наменяли.

В данное время я еще жива, мне 79 лет, и часто ходила к этому прозорливому о. Серафиму, и он мне

много давал добрых советов и молился за меня грешную.

У меня был сын маленький 3 года и мама. И вот о. Серафим сказал, что мне предстоит дальняя дорога, большие испытания, и я не скоро вернусь, а потом буду жить втроем. Я так подумала: мама, сын и я!

Но когда я освободилась из лагерей и пришла домой, сын от меня отказался, а мама уже была стара, и вот я усомнилась в предсказании. Я долго ждала, и только в этом году, 1992-м, меня взяли чужие люди семью и нас — троє. Вот и сбылось предсказание о. Серафима, и хожу я на его могилку и плачу, и прошу прощения.

Я знаю много случаев по рассказам других людей, что он творил чудеса, и я верю, и буду верить ему до конца жизни. Много еще можно писать, но я устала.

*Мария Ивановна Адушева
20 апреля 1992 г.*

* * *

Монахиня Тамара

Что я знаю об о. Серафиме

Когда мы переехали в Вырицу, мне было 6 лет. С 6 до 8 лет я была прихожанкой церкви св. ап. Петра и Павла. Когда мне исполнилось 8 лет, мы переехали на Пильный проспект в дом, где раньше жил отец Серафим.

Вот тут-то я и услышала многое об о. Серафиме, и что он живет на Майском проспекте.

У отца Серафима я была в детстве несколько раз в возрасте с 8-ми до 10 лет. Как-то была с мамой. Помню, отец Серафим мне дал конфеток и апельсин. А перед тем, как нам уходить, батюшка сказал: «А если вам на пути попадется злая собака, то прочитайте «Богородицу» и «Отче наш», и она убежит».

И правда, как только мы вышли из калитки, вскоре на нас напала злая собака, отчаянно обляяла. А я сказала маме: «Не бойся, помнишь,

нам батюшка велел читать молитвы «Богородицу» и «Отче наш»».

Я прочитала эти молитвы, и собака убежала.

Видимо, это о. Серафим мне преподал урок и для дальнейшей жизни: любое зло отгонять этими молитвами.

Я несколько раз была у о. Серафима с матерью Вероникой.

Как-то мы были у о. Серафима с матерью Вероникой. Батюшка дал мне ветку роз, из чего-то сделанную. Эта ветка очень благоухала. Отец Серафим сказал, что мне эта ветка роз от Божи-

ей Матери. Я тогда этому поверила. Важно было уже то, что эти розы мне были с батюшкими рук. Потом мы с мамой Вероникой зашли к Фалиным. Коля мальчик был болен, и Анна Ивановна попросила тогда от меня лепесток розы. И с верой в исцеление приложила Коле к больному уху.

Эту ветку я потом положила к образу Спасителя под стекло. И часто открывала стекло у образа, чтобы вдохнуть благоухание от ветки.

Так я у о. Серафима была с матерью Вероникой несколько раз.

Еще помню я ходила в детстве на прием к о. Серафиму самостоятельно. Что-то мне пришло тогда на ум написать батюшке записку. Это была моя детская тайна.

Никому я об этом не сказала.

В тот день батюшка принимал по запискам. Я написала записку: «Батюшка, буду ли я монахиней?».

Пришла с этой запиской в дом к о. Серафиму, и когда подошли очередь, отдала записку матушке Серафиме.

Подождала ответа. М. Серафима вышла от батюшки с улыбкой и сказала: «О. Серафим сказал, что будешь монахиней». Было мне тогда 9 лет.

Содержание этой записи было навеяно тем, что в детстве я часто ночевала в церковном доме у м. Вероники и м. Таисии.

Днем отстою службу, потом до вечера у о. Алексея (он на веранде ребятишкам, в общем, детям, преподавал Закон Божий, угощал медом с собственной пасеки), а ночь ночевала у матушек.

Матушки подарили мне редкие четки, золотой крест монашеский и иконки из Иерусалима и Афона.

Часто была с матушками, поэтому в детстве и мечтала о монашестве. Поэтому с такой запиской и пошла к о. Серафиму.

Часто бывала в доме и во дворе о. Серафима с правнучками о. Серафима Наташей и Олей.

Когда о. Серафим скончался, мне было 10 лет.

Помню, было особое столпотворение у дома на Майском у гроба о. Серафима. И столпотворение во время шествия к церкви.

Столько было людей на погребении о. Серафима, что мы с Наташой смогли только с угла, что за церковной оградой наблюдать за погребением.

Это мои детские визиты к о. Серафиму, и что я помню о нем.

* * *

А теперь пойдет описание рассказов того, что я слышала об о. Серафиме.

Хозяйка дома на Пильном, 7, где жил о. Серафим, рассказывала, что о. Серафим жил на Пильном в доме 11 лет. Период до войны и часть войны. Потом во время войны он переехал на Майский пр-т.

В начале войны хозяйки домов приходили к батюшке за советом, что им делать, покидать ли свои дома.

Батюшка говорил: «Дома ваши будут целы. И вообще вся Вырица будет цела». Ведь так и было.

После войны было большое паломничество к о. Серафиму. Кто говорил: «Батюшка, как мне молиться за мужа или сына без вести пропавшего». Батюшка отвечал: «Молись, как за живого» и т.д. Кому что отвечал, прозорливо.

Многие тогда просили, чтобы батюшка помолился об устройстве на работу. Сразу человек тот чудом получал работу. Или насчет жилплощади, и чудом получали. (А кому давал на исцеление просфору).

И чудом батюшка всем помогал.

Хозяйка дома рассказывала такой случай о прозорливости о. Серафима.

Одна р. Б. пошла к о. Серафиму, а другая женщина с ней передала батюшке десяток или сколько-то яиц. А та не передала, а оставила в лесу, в кустах. Побыла она у о. Серафима, а на прощанье он ей говорит: «Будь осторожна, когда на обратном пути зайдешь в лесочек за яичками, там змея». Так и было. В ужасе она обнаружила.

Еще хозяйка дома рассказывала такой случай. Когда батюшка был еще на Пильном проспекте. Побыла у него на приеме одна раба Божия. И дает батюшке определенную сумму денег.

А отец Серафим ей говорит: «Мне-то не надо. А отдай эти деньги военному, который встретится тебе на пути». И правда, ей у указанного места на Коммунальном пр-те встречается военный, и из нерядовых.

Она сначала побоялась осмелиться предложить деньги военному. Но за послушание предложила ему деньги и сказала, что эти деньги ему велел отдать старец Серафим.

Военный, взяв деньги, прослезился и поведал, что у него горе, дом с имуществом сгорел. Прослезился и тут же спросил, где живет этот святой старец, чтобы зайти к нему.

А еще Лидия Томовна (хозяйка дома) рассказывала. О. Серафим на Пильном жил до войны. Там еще было глуховато, строений мало. И по Коммунальному проспекту было

ходить опасно. Особенно у большого моста. И вот идет она с поезда вечером и у моста ей попадаются два хулигана. Л. Т. призвала имя батюшки. И вдруг они почему-то испугались и в страхе прижались к забору. Так Л. Т. оградили батюшкими молитвы.

Еще случай с нашей бабушкой Ольгой. Тогда мы жили на Пильном, в доме о. Серафима.

Бабушка заболела. Врачи поставили страшный диагноз: саркома. Это встречается редко и страшнее диагноза рак. Ей сделали операцию в Военно-медицинской академии. И после этого она прожила много лет до старости. А с таким диагнозом обычно не выживают. Профессор Военно-медицинской академии много раз показывал бабушку каким-то комиссиям и до конца интересовался ее здоровьем. Как редкостным случаем выздоровления.

Когда бабушка после операции пришла домой (это было на Пильном) ее посетил о. Серафим (в пол-

ном смысле слова). Как-то, лежа на кровати днем она видит: о. Серафим приоткрыл дверь и говорит ей с улыбкой: «Все хорошо, жива?».

Это выздоровление можно объяснить только молитвами о. Серафима. Он же и пришел навестить больную. Это было днем. Мама входит в комнату, а бабушка им про это рассказала.

Отец Алексей Кибардин (Царство ему Небесное) как-то сказал маме, когда она пришла к нему: «Лидия Федоровна, мне уже осталось 10 лет жизни». Мама говорит: «Батюшка, да откуда вы знаете, живите дольше». Батюшка говорит: «Мне отец Серафим сказал: «Я умру, а после меня ты еще 15 лет проживешь»».

Потом как-то мама еще приходила к о. Алексею. Он говорил: «Мне осталось 5 лет жить».

И за три дня до своей кончины он уже велел приготовить себе ризу. Так он верил этому предречению о. Серафима. И в точности сбылось.

Отец Серафим скончался 3 апреля 1949 г. Отец Алексей скончался ровно через 15 лет 5 апреля.

Да если еще учесть, что о. Серафим скончался в ночь 3 апреля, а отец Алексей 5 апреля в 7 ч 40 мин утра.

В общем, и даже такое потрясающее предречение о. Серафима в точности сбылось.

Отец Алексей был близким духовником о. Серафима, причащал его (в последнее время).

Теперь пару слов о том, как надо мной сбылись слова о. Серафима. В 1967 г. надо мной состоялся монашеский постриг в одном из монастырей (и монашеское одеяние). Это я написала только к тому, чтобы подтвердить, как сбываются слова о. Серафима.

Теперь, что рассказывала Мария Федоровна. Как-то на могилке о. Серафима Мария Федоровна говорила, как у нее сбылось предсказание о. Серафима. Она рассказала, что в

свое время из города часто приезжала к о. Серафиму. И как-то она говорила батюшке, что хотела бы уйти в монастырь. На что ей батюшка ответил: «В монастырь уйти проще, а тебе надлежит другой путь, более трудный».

И ей батюшка сказал, что после его кончины через 5 лет она попадет в больницу и будет там 10 лет.

Позже все это в точности сбылось. Через 5 лет после батюшкой кончины она попадает в нервную больницу и через 10 лет чудом из нее выходит. Почему чудом, потому что у нее не было опекунов, и никто не брал ее из больницы.

Через 10 лет во сне о. Серафим является в золотой ризе Маргарите Николаевне и велит взять к себе Марию Федоровну. Что и исполнила М. Н.

Это у могилки о. Серафима Мария Федоровна всем рассказала. И еще добавила: «Вот, истинно говорю при батюшке!»

Как и все, я много получала помощи и от могилки о. Серафима.

Например, один такой явно чудотворный случай.

Как-то, лет 13 назад, в очень тяжелом болезненном состоянии, в том состоянии, когда и свет не мил, и в полном отчаянии, и после многих чуть не кровавых слез, в таком состоянии я как-то пришла на могилку к отцу Серафиму. Народу никого не было.

И я в отчаянных слезах припала к могилке о. Серафима. И ощутила чудотворную помощь.

На словах трудно передать.

Я припала на коленях к могилке, и не слухом телесным услышала, а слухом души услышала, как будто батюшкина душа моей душе говорила явственно: «А ты молись: «Господи, утешение подаждь душе моей» (из вечерн. мол.) и «Кому возопию Владычице...»».

И другие случаи помощи от могилки о. Серафима.

А еще как-то видела сон, что иду в Сусанине в Казанскую церковь. И по дороге на меня нападает вражья

сила. Я только призвала имя о. Серафима, и враги пропали.

Еще помню случай, услышанный еще с детских лет.

Случай от могилки отца Серафима рассказывала схимонахиня Таисия. Она вместе с матью Вероникой жила в церковном доме и несла церковное послушание. М. Таисия всегда после службы заходила на могилку к о. Серафиму. И вот как-то она заходит после службы на могилку к о. Серафиму, а он явился матушке и говорит: «Ты всегда только забегаешь ко мне наспех с храма, а никогда специально ко мне не придешь».

Это рассказала мать Таисия.

Но она была очень Богоугодная и праведная схимонахиня. Ее рассказу можно поверить. (А может быть, это она видела сон).

А еще недавно одна знакомая рассказала мне один небольшой эпизод, как о. Серафим откликнулся на ее свечку. 15 января, в день прп. Серафима Саровского чудотворца она поставила свечку на могилке о. Серафима. А потом подумала, да что одну свечку, пойду, куплю еще. И всего поставила три свечки. И батюшка тут же откликнулся на ее свечи. Ей на второй день в конверте приходит письмо от одной знакомой, где вложен 1 рубль (расплата за свечки) и благодарность — иконочка из Иерусалима. (У той знакомой родственники в Иерусалиме).

Многое об о. Серафиме знает старица Елена Андреевна из Чапчи. Она все пела при о. Серафиме у него в келье. Он все ей говорил: «Мой соловей».

У Марии Михайловны Сорокиной есть очень редкие фотографии о. Серафима. В частности, и его фо-

тография в более молодом возрасте, когда он служил в Александро-Невской лавре. Та фотография очень дивной красоты.

Многое об о. Серафиме должна знать Мария Федоровна, столько лет живущая с Маргаритой Николаевной. И, видимо, очень многое знает об отце Серафиме Маргарита Николаевна.

Слов нет, отец Серафим великий праведник и чудотворец.

Царство Небесное отцу Серафиму за его подвиг!

В память вечную будет праведник.

P.S. Как-то этим летом мы с Марией Федоровной проходили по Майскому пр-ту мимо дома о. Серафима. Мария Федоровна остановилась у калитки дома с воспоминаниями.

Она рассказала мне о том, как перед кончиной отцу Серафиму было явление Божией Матери. Она говорила, что перед этим о. Серафим сказал: «Не бойтесь, зажгите все лампады». На вопрос, что бы это значило, он ответил о явлении Божией Матери.

Мария Федоровна мне показала ту березу перед окном о. Серафима, у которой ему ночью перед кончиной было это явление Божией Матери.

И сказала, что о. Серафим не велел срубать эту березу.

Об этом же мне говорила и Елена Андреевна из Чащи. Еще Мария Федоровна рассказывала о прозорливости о. Серафима. Он заранее знал, кто к нему идет.

Мария Федоровна говорила, что она еще только шла к отцу Серафиму по Майскому пр-ту, а о. Серафим уже говорил, что идет к нему Мария Федоровна.

Теперь о том, что рассказала Мария Михайловна Сорокина об о. Серафиме.

Мария Михайловна знает о. Серафима с 1930 года, когда он был духовником Александро-Невской лавры.

С этого года она посещала в Лавре его службы. По ее словам он часто служил в приделе, где сейчас Покровский. В этом приделе она не

раз у него причащалась и исповедовалась.

Когда о. Серафим переехал в Вырицу, он еще немножко служил в Казанском храме в приделе Серафима Саровского. Там тоже у о. Серафима причащалась (это со слов М. М.).

Мария Михайловна говорила, что о. Серафиму было заранее сообщено о закрытии Лавры, и он своевременно переехал в Вырицу.

Мария Михайловна очень часто бывала в Вырице у о. Серафима. Она говорила, что у о. Серафима была всегда большая толпа посетителей. Она говорила о его прозорливости. Когда она приезжала, то из-за толпы людей сразу стеснялась к батюшке проходить. Но как только М. М. входила, он тут же посыпал м. Серафиму со словами: «Где тут врач М. М. Сорокина? Батюшка велит пройти к нему».

Еще Мария Михайловна говорила, что когда о. Серафим скончался, то на Витебском вокзале утром по расписанию не хватало поездов, и

начальника вокзала просили подать дополнительный поезд, и что духовенства и из духовной семинарии ехал целый вагон.

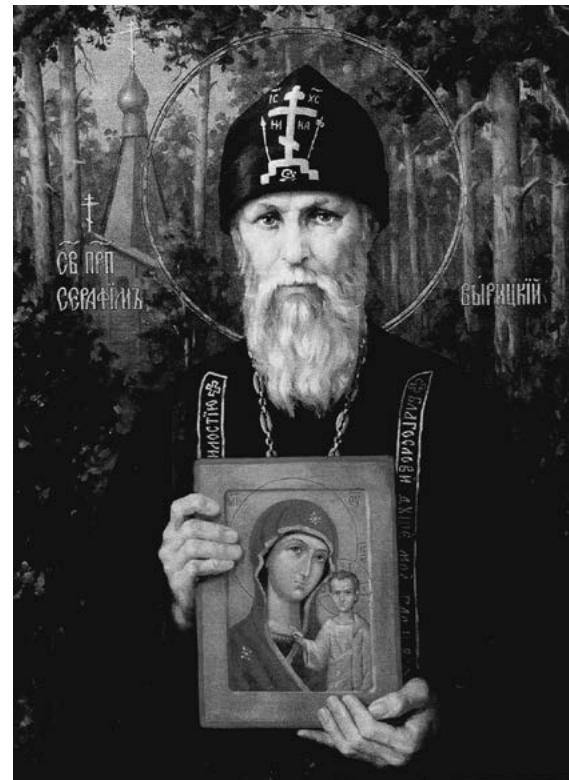
К сожалению, М. М. больше ничего не помнит из-за преклонных лет.

Но у Марии Михайловны есть редкие фотографии о. Серафима.

* * *

На могилу о. Серафима приезжала раз в год 31 июня со станции Жихарево, что под Волховстроем, женщина по имени Синклитикия. После всенощной под праздник преподобного о. Серафима Саровского всегда устраивалась отдохнуть на всю ночь на скамейке против могилки о. Серафима, даже если была непогода. Наутро исповедовалась и причащалась, и снова уезжала восвояси. Жила очень скромно, трудилась на своем огороде, выращивая картофель и другое, тем и жила.

Ее часто обворовывали, большую часть урожая выкапывали по ночам, но она терпела от злоумышленни-

ков и прощала им, говоря: «Батюшка Сарахим (так она выговаривала странно батюшкино имя) еще пошлет, он знает, что мне немного надо. Вот приеду на могилку, натру босые ноги об нее (очень болели у Синклитикии ноги — застудила во время войны, когда помогала партизанам в Белоруссии) и ноги мои снова

пойдут», и по вере и терпению получала. Сказывала Синклитикия, что когда она отдыхает в ночь перед праздником преп. Серафима возле могилки, то всегда видит свет над нею или светлое облачко, подходила и умывалась им, после чего ей на год хватало сил работать и терпеть от всяких злоумышленников.

А.К. 1989 г. (подпись о. Алексея)

P. S. Весь этот текст написан рукой лично о. Алексием Коровиным.

Должна заметить, что я тоже была свидетельницей, когда Синклитикия приезжала в Вырицу. Она отказывалась ночевать в доме и конечно всю ночь молилась, все это я тоже прекрасно помню её, мы с нею разговаривали в те летние вечера, и так было в течение нескольких лет.

м. Людмила Коровина

* * *

Мой внук сейчас на 3-м курсе Института им. Герцена. Мне хочется рассказать о чуде, совершившемся по молитве Батюшки отца Серафима. Дело в том, что внук мой Сере-

жа кончил великолепную школу – английский интернат в Пушкине. К сожалению, это была восьмилетка. Поэтому 9-й и 10-й классы он должен был учиться в обычной английской школе. Т. к. за 8 лет у него была одна четверка (по физкультуре), то ему было дано право выбирать любую «самую, самую» – школу. 9-ый класс этой «престижной» школы Сереже очень не понравился, а в это время открылся первый гуманитарный лицей в Петербурге, и он в 10-й класс были принят туда по конкурсу.

Их выпуск, таким образом, был 1-ый выпуск гуманитарного лицея, а распоряжения о выдаче медалей – не существовало. Итак, пять отличников лицея должны были сдавать в институт вступительные экзамены на общих основаниях. Проходной балл был – 20. Конечно, им всем хоть на одном экзамене поставили 4. Их не приняли.

Это значило – армия и никаких дальнейших «языков» и других «гуманитарных обучений».

Отслужил молебен отец Иоанн (Варламов), он знает Сережу. И вот, мы с Сережей приехали в Вырицу к Батюшке.

Это было 3 года назад, когда мы еще не представляли какие-нибудь другие возможности, кроме как экзамены — поступление или не поступление.

После молитвы у Батюшки отца Серафима, через несколько дней позвонила директор лицея и сказала, что она заключила договор с ректором ин-та Герцена и будет оплачивать все 5 лет занятий Сережи. Разве это не чудо?

Он нормальный студент и даже с повышенной стипендией. Вечером он еще учится в Русском христианско-гуманитарном институте.

Самые горячие молитвы несу я отцу Серафиму и молю его о земле Русской и о правителе Борисе.

24.IV.1993 года

Слава Богу!

Без подписи

На пороге Вечности

*Воспоминания правнучки
прп. Серафима Вырицкого
О. Д. Набоко*

«Слава Тебе, возвысившему Любовь превыше всего земного и небесного!»
Акафист «Слава Богу за все»

Человек не знает, когда придет его последний час, может быть ему отведена недолгая жизнь, а может быть, он будет жить долго по меркам нашего мира, но по сравнению с Вечностью, мгновение. Поэтому мы все стоим на пороге, что накопили в душе своей, с тем и перешагнем его, все же внешнее, материальное оставим. Господи помоги и помилуй!

Эти строки пишутся, когда нашей дорогой, ушедшей от нас в Вечность, Мамы нет уже 40 дней, и поэтому все, что здесь написано перед лицом трагической и величайшей тайны смерти будет правдой.

Маргарита Николаевна, девичья фамилия Муравьева, родилась в октябре 1917 года. В 1920 году родители ее отца, Николая Васильевича Муравьева, ее бабушка и дедушка ушли в монастырь. Дедушка в Александро-Невскую лавру с именем Варнава, в дальнейшем в схиме с именем Серафим, бабушка – в Воскресенский Новодевичий монастырь с именем Христина, в схиме Серафима.

По благословению и разрешению игуменьи монастыря Феофании трехлетнюю Маргариту бабушка взяла к себе. В архиве сохранился список насельниц монастыря, где значится – монахиня Христина с внучкой Маргаритой. Мама проживала в монастыре до 13 лет, где ей уже была одета ленточка, что означало стать юной послушницей.

В 1930 году по причине тяжелой болезни дедушки, Мама вместе с ним и бабушкой выехали в Вырицу по благословению Митрополита Серафима (Чичагова) и по Воле Божией прожила на благословенной вырицкой земле вместе с родными по духу и плоти подвижниками до самой их кончины.

Жизнь в монастыре у дедушки и бабушки оставила неизгладимый след в сердце Мамы. В течение всей своей жизни, не проходило и дня, чтобы она не вспоминала этот период. И будучи уже тяжело больной (идущие друг за другом микроинсульты), когда она была уже не вполне в реальном мире, показывая на окно, говорила: «Там монастырь, я пойду, пойду». И как бы тяжело она себя, в этот последний период жизни не чувствовала, никогда не жаловалась, все время вспоминала Бога. «Слава Богу, Богу!» – говорила она.

До того времени, когда она уже совсем потеряла дар речи, целыми

днями она пела молитвы, особенно она любила «Не имами иные помо-щи...». Священника, который при-ходил ее регулярно причащать, отца Николая Мочалкина, мы просили сказать Маме, что нельзя целыми днями молиться. И он говорил ей: «Маргарита Николаевна, даже свя-тые иногда отдыхают от молитв». Она же была упрямая и продолжала читать и петь молитвы целыми днями. Мама как бы снова стала тем ребёнком, который жил когда-то под кровом обители.

Мы, ее дочери, ухаживая за ней изо дня в день, старались отдать ей хотя бы часть той любви, которую от нее имели и называли ее своей малюткой и солнышком. Мама много рассказывала нам, своим детям о годах проведенных в монастыре с того времени, как стала взросльть и все воспринимать близко к сердцу. Годы, когда формируется человек, настрой его души, основные духовные и человеческие качества будущей личности, Мама прожила под

Божественным покровом обители. Это был особый монастырь, опекаемый нашей последней государыней Александрой Федоровной. Люди, пришедшие в эту обитель, были в основном из семей, где радели о ду-ховном развитии, воспитывали до-брые чувства сострадания, милосер-дия, любви к ближнему. Это были люди образованные, умные, искрен-не молящие Бога, и пришедшие в обитель по повелению сердца.

Маргариточка, так называли ее бабушка и дедушка, до конца сво-их дней жила этим миром чистой и возвышенной любви на которую только может быть способно сердце человека.

Во всех кельях монахини ее, де-вочку, с радостью принимали, и то, как они с ней говорили, и что гово-рили, Мама запомнила на всю свою жизнь. Это была искренняя и сер-дечная ласка женщин при виде ре-бенка, особый настрой души пере-давался с каждым словом и взглядом, это были далеко не земные, привыч-

ные нам, мирским людям, прикосновения сердца.

Яркие воспоминания о Великих праздниках переживали и мы в рассказах Мамы вместе с ней. Особенно готовились к Рождеству, к Пасхе. Все в кельях чистилось, открывались тяжелые киоты икон, протирались и чистились ризы на иконах, все это делалось с величайшей любовью и радостью в сердцах. Разговоры и молитвы, которыми все это сопровождалось, были совершенно особые, наполненные радостью о приближающемся торжестве.

Мама ходила вместе с бабушкой и кокочкой – монахиней Иоанной, которая жила вместе с ними, в церковь и там она, девочка, впитывала в себя великолепные, торжественные богослужения.

Вспоминала, как ходила по кельям, чтобы поздравлять с праздником Рождества Христова, как пели игуменье: «Добрый тебе вечер, ласковая матушка, радуйся, радуйся в мир – Христос родился!»

Вспоминала, как ходили к светлой Пасхальной заутрене. Мама стояла вместе со всеми всегда от начала богослужения и до окончания, и какая необыкновенная радость была в ее детском сердце. Вседруг с другом христиосовались: «Христос воскресе! – Воистину воскресе!»

* * *

Мама очень любила бабушку – Ольгу Ивановну Муравьеву, в монашестве Христиину, о ней необходимо сказать отдельно.

В своей мирской жизни бабушка была женщиной, обладавшей сильной волей, незаурядным умом и красотой. Она была богата, и полна внутреннего достоинства. Часто выезжала вместе с дедушкой в Вену, Варшаву, Париж. Однажды в Вене ее признали самой красивой женщиной среди многих, многих пришедших со своими мужьями отмечать закончившиеся деловые договора. И не смотря на богатство, ум, красоту, всеобщее уважение и нередко почтение, она с раннего возраста, хотела посвятить свою жизнь Богу, уйти в монастырь. И это свершилось, оба – дедушка и бабушка, отдав все свое состояние в монастыри и просто людям, в 1920 году приняли монашеский постриг. Хотя правильно отмечено в одной из многих книг о преподобном Серафиме Вырицком, что его семью с радостью приняли бы банкиры любой страны Европы.

Архивы сохранили суммы пожертвований в Александро-Невскую лавру и Новодевичий монастырь.

Нам трудно не только совершить такое действие, но даже реально представить возможность такого самопожертвования.

Бабушка маму воспитывала в строгости, чистоте нрава,уважении к старшим и, конечно же, в любви к Богу и сострадании к каждому человеку. Говоря о строгости воспитания, Мама вспоминала как бабушка, если девочка, заглядывала в ее комнату (келья состояла из 2-х комнат), когда у нее с кем-то был разговор, то ей достаточно было взгляда и слова: «Маргариточка, тебе что-то нужно?», чтобы сразу же закрыть дверь.

Но при всей строгости воспитания, бабушка Маму горячо любила, ласкала ее, делала ей детские подарки, устраивала Рождественскую елку, украшала ее вместе со своей Маргариточкой игрушками. Ходила с ней гулять по монастырскому саду, а когда девочка отчего-то плакала – бабушка жалела ее и говорила: «Горюшок ты мой, горюшок», – понимая, что она страдает без ма-

тери, которая так нужна ребенку. О своей матери наша Мама ничего с детства не знала и считала, что ее нет в живых, и в дальнейшей своей жизни она свою мать никогда не видела. Это оставило в ее душе глубокий след и даже будучи больной, в последние годы своей жизни, когда мы к ней обращались – «Мама», она повторяла: «Мама, мама». Это нужно было слышать, чтобы понять, как эти слова произносились...

Дни рождения и дни Ангела Мамины всегда сопровождались вкусным столом, за который приглашались дети, навещавшие своих родных в монастыре. Обязательно, на отдельный столик укладывались подарки – ленточки в косички, куколки и что-то другое, детское.

Вспоминая это, Мама говорила нам – как важно детям делать именно такие подарки, а не изыскивать что-то обязательно дорогое и, в общем-то, ребенку чуждое.

По благословению наместника Александро-Невской лавры, в даль-

нейшем Митрополита Николая (Ярушевича) крестившего Маму, она регулярно и подолгу гостила у дедушки, жила у него в келье, а с 1923 года постоянно жила у него. Это время Мама в своих воспоминаниях выделяла всегда особо, говорила, что находясь рядом с великим, преисполненным необычайной добротой человеком, она в изобилии получала от него исходящую благодать, сколько могло вместить ее детское сердце. Сильная любовь к дедушке сохранилась у Мамы до конца ее дней. Мама, не плакавшая в самых тяжелых своих жизненных ситуациях, без слез не могла говорить о нем. Он для нее был тем, что окрашивало ее нелегкую жизнь своим божественным светом. И нас, своих детей, она воспитала его именем.

Бабушка Серафима вспоминала, что в мирской жизни ей было нелегко с дедушкой, потому что он был и в миру «не от мира сего». Его естественно обманывали многочисленные

его подчиненные, не радели в работе и многое другое...

Никогда это все, смутительно-житейское не вызывало в его душе протеста, он всех и в этих случаях окружал лаской и полной терпимостью. Бабушка же, обладая горячим темпераментом, даже будучи в схиме, не могла спокойно реагировать на неправду, неискренность, фальшь и обман. Это возмущало все ее существование так ярко, как только возможно.

Вспоминаю случай, которому я была свидетелем, было мне в ту пору лет 7.

Строя на полу в комнате домики из кубиков, я увидела разгневанную бабушку, которая просила покинуть дом нашу няню Е. А., которая повторяла: «Прости матушка, бес попутал», а в ответ слышала: «Мы сами часто поступаем хуже бесов!»

Как выяснилось, возмущение было вызвано тем, что Е. А. рассказала бабушке заведомую ложь и сплетню о хорошо знакомом бабушке человеке. Это был один из примеров ее

абсолютной нетерпимости ко всякой лжи и неправде. И это при бесконечно добром сердце и желании помочь любому человеку.

Наша Мама бросилась к бабушке в защиту Е. А., на что та отвечала: «Будешь за такое заступаться, и тебе откажу от дома».

И, несмотря на такую разность в характерах, бабушку и дедушку объединяла неистребимая любовь к Богу, желание делать добро людям, во все время их жизни, большая любовь и привязанность друг к другу.

Когда бабушка в 1945 году скончалась от обширного инсульта, и ее выносили в церковь из дома, дедушку, который не мог ходить, поднесли в кресле к окну. Мы дети — я и моя сестра, стояли рядом и видели, какой человеческой скорбью было полно его сердце. Слезы текли по его щекам, но тут же пришло то, что выше просто человеческих чувств, и он спокойно сказал: «Там, моя дорогая, незабвенная матушка будем вместе».

На кресте бабушкиной могилы было прикреплено четверостишие, которое дедушка написал о ней:

«Не зарастет тропа народная травой,
К твоей могилке матушка родная.
Ты всех любила сердцем и душой,
Не пропадет твоя любовь святая».

Бабушка, обладая необычайной смелостью, во время оккупации Вырицы немцами, смогла пришедшим в дом офицерам указать на дверь со словами: «Weg! (Прочь!)» и они ушли, почувствовав ее силу и моральное превосходство. Наша Мама унаследовала от бабушки полностью всю ее яркость и силу характера. С молодых лет бабушка страдала заболеванием печени (камни в печени) сопровождающимся сильными болевыми приступами. Мама, будучи девочкой, а потом и взрослой женщиной, имеющей уже своих детей, очень, очень боялась за нее. Когда, еще в монастыре, она рядом с бабушкой стояла на службе в церкви и бабушка задерживалась в земном

поклоне, Мама с ужасом смотрела на нее и повторяла: «Бабуленька, бабуленька!» Это воспоминание было для Мамы живым до конца ее дней.

Когда бабушка серьезно болела, и подходил конец ее жизненного пути, Мама говорила ей «Я не смогу хоронить и быть рядом с тобой, для меня это непереносимое испытание». И что же, когда это, неминуемое, случилось, Мама не могла отойти от нее все дни, до погребения. Теперь, когда мы сами пережили эти, полные нестерпимой скорби дни Маминой кончины, так же как и она, тогда, мы не могли отойти от нее и все время хотели что-то еще и еще для нее сделать — поправить волосы, погладить руки... уже ей совершенно не нужное.

Нас, своих правнучек — меня и мою сестру Наташу бабушка любила и старалась уделять нам внимание. Наташа в года 3 называла ее «бабуленька бульончик», на что получала в ответ: «котлетка». Бабушка любила отдыхать в кресле еще старого вре-

мени со львами из дерева на подлокотниках, и Наташа сильно разбегаясь, бросалась к ней на колени.

* * *

Сын матушки Серафимы Николай Васильевич Муравьев был человеком особого воспитания и среды, в которой он в молодые годы жил. От своего отца он унаследовал мягкость характера, доброжелательность по отношению к людям. От матери – прямоту характера и нетерпимость ко всякой неправде и злу. Николай Васильевич закончил Царскосельскую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского Университета, который не довелось закончить. Война!

Необыкновенная была способность Николая Васильевича к иностранным языкам. В совершенстве он владел французским, английским, немецким и другими.

Аристократ, по линии своей матери, схимонахини Серафимы, в

миру Ольги Ивановны Муравьевой, он был чужд наступившей эпохе, был как бы лишним человеком.

Первой женой Николая Васильевича была Евгения Любарская, мать Маргариты, нашей Мамы. Что привело к разрыву этого брака, это ни-

когда не обсуждалось в нашей семье, знаем только то, что последующие два брака были вызваны его трагической судьбой — ссылками, тюрьмами. Думаю, что легко понять, как небезопасна была семейная связь с человеком постоянно находящимся под страшным ударом...

Как теперь стало известно, в 1941 году, в начале войны, он был арестован, отправлен на Урал и там приговорен к расстрелу.

Страшно даже подумать, что наша или чья-то рука может допустить в своих описаниях, даже между строк, осуждение этого бесконечно настрадавшегося человека!

Хорошо известно, что ни один раз Николаю Васильевичу предлагали выезд за границу, в том числе князь Путятин с которым его связывала дружба, предлагали даже тогда, когда это сделать было уже сложно.

Николай Васильевич от всех предложений покинуть Родину твердо отказывался, желая разделить судьбу своего народа.

Если кто-либо интересуется сыном преподобного Серафима Вырицкого, наша семья хотела бы чтобы знали эту правду. Не знаем, но не думаем, чтобы его мать (схимонахиня Серафима) была бы против его отъезда. Желание спасти сына у матери отнять никто не может, но случилось то, что случилось, и крест он свой донес до конца достойно.

Николай Васильевич был очень одаренным человеком, но в те годы в перерывах между ссылками, естественно не мог найти подходящую работу по своему образованию и интеллектуальным возможностям, однако никакой работы он не гнушался и считал, что никакой труд не может быть унизительным для человека. Его талант проявлялся во многом, так при очередном аресте у него было обнаружено большое количество его стихотворений, более 200. К большому сожалению ни одного его стихотворения у нас не осталось.

Это был добрый, честный, порядочный и глубоко религиозный человек.

Уже в наше время он был реабилитирован полностью, как жертва политических репрессий. Место захоронения его неизвестно. Вечная Ему память!

* * *

О преподобном Серафиме Вырицком на сегодняшний день написано уже немало, но я хочу написать о своем личном восприятии всех касающихся его светлой жизни моментов, которые сохранились в памяти с раннего детства.

Это и то, что нам рассказывала наша Мама и то, что сама слышала и видела.

Мама о своей жизни у дедушки в его келье, вспоминала в течение своей жизни так часто, что у нас было ощущение своей причастности к этому прекрасному времени.

Если бабушка была с Мамой-девочкой строга, то здесь, у дедулень-

ки, как Мама всю жизнь до конца своих дней его называла, была только и только ласка, любовь, — все, что сразу заменяло ей всех — мать, которую она не знала, отца и всех близких ей людей. Это была взаимная любовь двух сердец — ребенка и монаха, имеющего внучку от единственного сына, за которого молился и страдал душой в эти страшные для нашей страны годы.

В годы своей жизни в Лавре, девушка уже имел широкую известность, как великий молитвенник, сострадающий каждому человеку. К нему в Лавру шли и шли с тяжестью и болью духовной и телесной просить молитв, совета, помощи не только простые люди, шли ученые, врачи, деятели культуры — такие, как выдающийся астроном, один из основателей Русского астрономического общества — академик С. П. Глазенап, один из основателей современной фармакологической школы профессор М. И. Граменицкий, профессор-гомеопат С. С. Фа-

ворский, физик В. Фок, биолог Л. А. Орбели, и другие.

Тесная дружба связывала дедушку со многими великими людьми: архимандритом, профессором Библейской истории Феофаном (Быстровым), митрополитом Се-

рафимом (Чичаговым), епископом Петроградским Николаем (Ерушевичем), впоследствии митрополитом Крутицким и Коломенским, который по благословению митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казаенского) совершил монашеский постриг дедушки, и впоследствии был духовным чадом иеросхимонаха Серафима.

Мама вспоминала, как однажды к дедушке привели больную женщину, кричащую страшным голосом и бьющуюся в судорогах. Это был, как называют в народе, человек одержимый бесом. Мама в страхе спряталась за диван, и оттуда видела и слышала все что происходило. Дедушка очень спокойно и ласково сказал: «Будем сейчас молиться, и просить Господа о помощи». После продолжительной молитвенной просьбы со слезами, больная затихла и ушла совсем здоровая.

Этот случай Маму поразил и уже тогда в малолетнем возрасте особо обратил ее сердце к Богу и Его Боже-

ственной милости. Мама вспоминала, что, будучи уже взрослой, имела долгие годы бесконечную любовь к Богу и говорила, что это состояние – великая душевная радость, которая впоследствии уже не была такой яркой. Но всю жизнь свою имела в душе Божественную искру любви к каждому человеку. Она вспоминала, что в свои молодые годы, когда шла по улице, то хотела всех обнять, все чужие проходящие люди были ей как знакомые и любимые.

Особая острота душевного восприятия мира со временем стала более спокойной. Но до конца своих дней Мама делала людям добро, когда могла и даже когда не могла. Мы никогда не слышали от нее о ком-либо слово осуждения и неприязни. И даже в период ее смертельной болезни, когда она слышала наши слова осуждения кого-либо, говорила очень твердо: «Не надо так!» Всю свою жизнь она старалась нас настроить на ей присущее незлобное, никогда и никого не осуждающее

отношение к людям. Нужно признаться, что мы, ее дети, не смогли унаследовать этот великий дар, хотя и хотели бы иметь такое счастье.

Мамина сильная любовь к девочке не была просто ее душевным состоянием, она выражалась в практической помощи ему. Когда они приехали в Вырицу в 1930 году, Маме было 13 лет, и она оказалась в эти суровые годы, несмотря на свой еще достаточно детский возраст главой семьи в практической жизни. Маму уже называли по имени и отчеству – Маргарита Николаевна.

И потом в юности и после замужества, она никогда не оставляла девочку и бабушку.

* * *

Мама вышла замуж за нашего отца (Даниила Ивановича Набоко) в 1936 году по обоюдной и сильной любви, для нее иначе было бы невозможно вступить в брак, и в этом также вся Она. Наш отец после окончания Горного института очень бы-

стро пошел вверх по служебной лестнице, как это называют, и в 27 лет занимал высокую административную должность начальника инженерного отдела Северо-Западного морского пути.

Это был человек умный, волевой с твердым и нелегким характером. В те молодые годы Мама была так красива, что люди на улице останавливались и смотрели ей в след, а дети часто бежали за ней и кричали: «Какая красивая тетенька». Она была поразительной красоты женщиной, воспитанная же в монастырской строгости, вспоминала, что никогда этого не понимала и потому беспокоилась от того, что на нее обращают внимание — может быть у нее не в порядке что-нибудь в одежде и поэтому она привлекает к себе такой интерес. Она не давала себе отчета в своей одухотворенной красоте.

В городе Ленинграде на углу Невского проспекта и Полтавской улицы у нашего отца была большая, отдельная родительская квартира. Это

была интеллигентная, обеспеченная семья и Мама могла бы жить спокойно интересами своей семьи, но она ни одного дня не могла не видеть дедушку с бабушкой, и не знать, что с ними. Нашему отцу приходилось самому приезжать к ней в Вырицу. Не думаю, что он принимал это с радостью, но понимая, что иначе невозможно, смирялся, горячо любя Маму и понимая ее особую привязанность к родным.

К дедушке он относился с большим уважением, считая за честь зажечь у него в келье лампаду, сам же он не был религиозным человеком, как и многие в те и последующие годы в нашей стране.

Его мать, наша бабушка по отцу, была интеллигентной женщиной, дворянского происхождения, окончившая в свое время Смольный институт и хотя и не была воцерковленной, как теперь это называют, детей своих крестила.

Война внесла свои коррективы в отношения наших родителей. Так

случалось во многих семьях в то время. Наш отец на фронте встретил другую женщину и Мама, со своим ей бескомпромиссным характером, не смогла дальше продолжать жить с ним, но его простила и не имела против него злобы, никогда не разрешала и нам, его детям, сказать о нем что-либо обидное и недоброжелательное.

Впоследствии Мама вышла замуж второй раз, венчалась, родила двух сыновей, но и тогда не оставляла заботу о дедушке.

В 1947 году Мама купила в Вырице старый, дешевый дом рядом с домом, где жил дедушка. Можно представить какой это был дом, если он стоил маминого беличьего полушубка. Но главное, что этот дом был так близко от дедушки, что мы и Мама могли несколько раз в день ходить к нему. Зимой, сколько бы мы не топили наш дом, все сразу же выдувалось, полы были практически на земле, и мы делали из земли и снега «завалины» по

периметру дома, хотя это мало помогало.

Мы, все четверо детей, как правило, вместе болели всеми детскими болезнями. И в этой жизненной ситуации Мама всегда находила в себе силы быть энергичной, любящей, доброй ко всем людям кого знала и о ком просто слышала. Когда сейчас это вспоминаю, то удивляюсь духовной силе этой женщины, нашей Мамы. Ведь к этому времени Мама осталась одна без мужа с двухмесячным четвертым ребенком на руках.

Такая сила духа сохранилась у нашей Мамы до конца ее дней и,

будучи уже тяжело больной, смертельно больной, ни на что не жаловалась, все переносила с невероятным терпением и с сильнейшей любовью к Богу и ко всем близким и чужим.

В 1965 году мы переехали жить в Ленинград, а в Вырице жили только летом. Каждый день Мама, вместе с нами ходила к дедушке и бабушке на могилу, бесконечная ее любовь к ним была с ней до конца.

Все жизненные невзгоды наша Мама переносила с удивительной стойкостью, никогда ни на что не жаловалась, хотя жилось всегда нелегко – часто приходилось занимать в долг, перезанимать, чтобы вовремя отдать. Одно время она сдавала свою кровь, что впоследствии отразилось на ее здоровье, пониженным гемоглобином.

С нами, детьми, она всегда была крайне терпелива. Когда я вспоминаю детство и нас четверых детей на Маминых руках, то удивляюсь, как она могла быть с нами предельно

выдержанной, никогда не кричала на нас и никогда не наказывала. И при этом для всех нас Мамино слово было законом.

Я часто спрашиваю себя: благодаря чему могло такое случиться? И один ответ даю себе – безгранична любовь. Любовь, которая превыше всего земного и небесного, как сказано в Акафисте «Слава Богу за все».

И, конечно же, огромная сила воли, ум и умение быть во всем последовательной.

Мама была терпелива до конца своих дней. Последние два года своей жизни после постоянно повторяющихся микроинсультов, не имея возможности пошевелиться без посторонней помощи, с частично парализованной речью, когда мы спрашивали ее: «Как тебе, не плохо?», отвечала: «Не плохо». «Хорошо тебе?» – «Да, хорошо». «Слава Богу, Богу» – говорила она постоянно.

* * *

Отдельно остановимся на тех обстоятельствах, при которых дедушка с бабушкой и Мамой приехали в Вырицу.

Дедушка был последним, перед закрытием монастыря, духовником Лавры. Своим духовным, молитвенным соединением с Богом, кротостью, заботою и любовью к каждому человеку, смирением, дедушка снискал к себе любовь, уважение и почитание всех, кто его знал или слышал о нем. Совершая нелегкое послушание духовника, он по много часов стоял на каменном полу в храме, в левом его крыле, около Распятия. И вот, в очередной раз, после 48-часового стояния на каменном полу, принимая исповедь каждого кающегося с надеждой на милость Божию и оставление грехов, когда он хотел уже уходить, то вдруг упал от слабости в ногах.

Это было начало его тяжелой болезни, которая не позволяла ему

двадцать лет, до конца его дней, встать с постели. И в последние годы его могли водить только под руки на короткое расстояние. Известные медики обследовали его и определили необходимость отъезда за город, где были бы хвойные деревья, хороший воздух, выбор пал на Вырицу.

И тогда, по благословению и настоянию митрополита Серафима (Чичагова) и благословению игумены Новодевичьего монастыря Феофании дедушка с бабушкой и внучкой Маргаритой приехали в Вырицу. Появление других версий начала тяжелой болезни и переезда в Вырицу пусть останется на совести их авторов.

Несомненно, таким образом Промысел Божий спас дедушку для дальнейшего молитвенного подвига на благо людей.

В Вырице до конца своих дней дедушка с бабушкой не имели своего жилья, и им приходилось снимать комнаты в разных местах. Так они снимали маленький домик-вре-

мянку на Ольгопольской улице, на Боровой, на Пильном проспекте, а к концу их жизни на Майском проспекте, откуда и ушли в мир иной, где, по словам дедушки, в его стихотворении «всем скорбям и болезням конец».

Помещение на Майском состояло из трех комнат и кухни. Когда входишь в дом, то направо была комната, в которой жили мы с Мамой. Дальше по маленькому коридору проходили в комнату, где стоял стол, большой буфет хозяев дома, который невозможно было сдвинуть с места, святой уголок с иконами и

кровать, на которой спала бабушка, а после ее смерти матушка Серафима — мантийная монахиня, ставшая дедушкиной келейницей и прожившая в нашей семье еще год после смерти дедушки. Из этой комнаты вела дверь в дедушкину келью — небольшую комнату, вытянутую чулком, там стояла постель, на которой лежал дедушка, святой уголок со Святыми Дарами, иконами, Евангелием. Среди икон была чудотворная икона Нерукотворного Спасителя, которая по завещанию дедушки была отвезена в Москву Патриарху. Все остальные иконы были Мамой

переданы в Храм в честь Иконы Казанской Божией Матери в Вырице. Две, из находящихся ныне в храме икон, многие годы висели на стенах напротив постели дедушки. Это икона преподобного Серафима Саровского и икона целителя Пантелеимона, — можно представить, сколько молитв слышали эти чудные иконы, которые были так близко от него. Сейчас, когда подходишь к ним, находясь в церкви, слезы застилают глаза.

Годы жизни в Вырице старца Серафима, нашего дорогого дедушки, были полны великого молитвенного предстояния перед Богом, полны любви, сострадания и помощи всем притекающим к нему людям. И кто бы ни приходил к нему: известные ли люди или простые, он всех принимал с одинаковой любовью, лаской и душевной теплотой, и каждый уходил от него, получив совет, облегчение и надежду. Да, это было великое продолжение молитвенного подвига и служения

людям, которое прошло через всю его жизнь.

И. А. Ильин — мыслитель, учёный, публицист, профессор, представитель философско-религиозной мысли в России писал: «Мы должны увидеть оком сердца значение и назначение нашей жизни... Служить Царству Божиему по откровению Евангелия... В этом случае можно представить жизнь человека как включение в Дело Божие на земле, как вплетение в Его ткань, вхождение в Его поток».

В благодарственном Акафисте «Слава Богу за все» есть замечательные слова: «Не страшны бури житейские тому, у кого в сердце сияет светильник Твоего огня. Кругом непогода и тьма, ужас и завывание ветра. А в душе у него тишина и свет: там Христос! И сердце поет: Аллилуйя!»

Так и то, что происходило в те очень тяжелые для всей страны годы, в душу дедушки не приносило тьму, в душе всегда был Христос! Никог-

да мы не видели его раздраженным чем-то или кем-то недовольным, он всегда и со всеми был ласков, приветлив, от него исходил свет любви и радости. Я знаю, слышала сама, будучи девочкой, как часто выходящие из кельи дедушки люди с особым восторгом говорили, что «от батюшки исходит свет», «он как-будто в ореоле света», «свет любви окутал меня», это то, что я запомнила и что меня поражало.

Меня, ребенка, не держали в строгости, я развивалась, как и все дети, играла в комнате, из которой была дверь в дедушкину келью и заходила к нему, когда он был один. Много раз я видела, как он молился. Это даже я, еще почти ребенок, не могла спокойно видеть, это так трогало душу! И сейчас пишу эти строки со слезами.

Мы с сестрой каждое утро после сна и каждый вечер перед сном приходили к дедушке в келью, вставали у его постели, читали молитвы и утром и вечером. Это были одни и те же молитвы: «Отче наш», «Богороди-

ца Дево радуйся», «Достойно есть», «Пресвятая Троица» и «Верую».

Вечером, когда за окном было уже темно, и у дедушки в келье слабо светились только лампады в его святом уголке, я видела, войдя к нему, что там, где он лежит на кровати светлее, чем во всей темной комнате. Тогда я еще не понимала многое, просто мне очень нравилось приходить в это вечернее время. Было мне в то время лет 5–6, а после, в более старшем возрасте я уже понимала и отдавала себе отчет в том, что видела.

Удивительно, если бы было по-другому, ведь помимо денно-ночной молитвы, он был великим постником. Мама по профессии медицинский работник, по диплому – старшая хирургическая сестра, очень, очень переживала думая, что дедушка при таком питании, а правильнее сказать при отсутствии его, не сможет долго прожить. Иногда она просто умоляла его съесть что-то питательное. А когда, правда редко, Мама отваживалась более настойчиво действовать

и подкладывать в самую простую пищу что-то на ее взгляд полезное и незаметное для него, то всегда в этих случаях он отказывался принимать пищу вообще, причем, не сердясь и раздражаясь, а ласково говоря, что совершенно сыт, и к еде не притрагивался. Чтобы Мама не расстраивалась, что было естественно, он говорил ей, как бы шутя, что целый день только лежит и ничего не делает.

К нам на Майский один раз в неделю приходили певчие из Казанской церкви и церкви в честь Петра и Павла. Хор был хороший, красивые голоса исполняли молитвы частично из Литургии и Всенощного бдения, пели и стихи написанные дедушкой в разное время. Когда пели «Херувимскую», однажды я была в келье в этот момент у дедушки и видела, как он воздел руки, и слезы текли по его щекам.

Вот один из стихов, которые тогда пелись и который мне особенно запал в душу. В нашей с Мамой жизни мы часто вместе пели этот стих.

Как Петр я в море утопаю
В волнах житейской суеты.
И я, как он, к Тебе взываю:
Наставниче спаси, спаси.

Ты всемогущ, Тебе возможно
И бурю словом укрощать,
И по водам ходить неложно,
Громам и ветрам запрещать.

Ступи ж Божественной стопою
На волны сердца моего,
Они умолкнут пред Тобою
И вкусят мира Твоего.

Простри ж мне руку,
Дай мне Веру.
И как Петру, скажи и мне:
Почто сомнится маловерный,
Мужайся, и иди ко Мне!

Певчие, их было, как правило, человек 6-8, потом трапезничали в большой комнате, где делали длинный стол и по бокам ставили скамейки. Мы с сестрой под этими скамейками ползали, представляя себе, что это какой-то неведомый нам путь. Особенно красивый был голос у певчей, которую звали Марией, она

вела весь хор своим мелодичным и сильным голосом.

У нашей Мамы тоже был удивительный, красивый и очень сильный голос. Когда она приходила в церковь, то общие для всех прихожан молитвы она тоже пела, стараясь петь не громко, но заглушала весь хор и всех певших прихожан. Молитва была наполнена не только красотой голоса, но всей ее божественной силой. И это не преувеличение. Еще по монастырю Мама знала наизусть всю Литургию и некоторые другие службы и помнила это всю жизнь. Она была глубоко верующим человеком. Не напрасно пишу слово глубоко, так как внешние проявления веры у нее были всегда не броские, очень скромные. Она считала, что духовный мир, в основе которого Вера, это интимный мир каждого человека. Это не то, что требует какого-то показа, внешней экзальтации. Говоря о своей ранней молодости, она вспоминала, что вера в Бога у нее была

так велика и давала такую радость, с которой не может сравниться ни что другое из жизненных радостей. Со временем такой духовный подъем спал, о чем она всегда сожалела и тосковала.

* * *

Особенно нужно вспомнить на этих страницах необыкновенную яркость характера нашей Мамы и смелость, унаследованную от бабушки. Примеров тому немало, но вот один из них, имеющий особое значение и для нее и для ее дедушки. Еще когда мы жили на Пильном, к дедушке приехали представители НКВД, чтобы его увезти. Такое было единственный раз за все время жизни Преподобного, подчеркиваю – единственный, другие версии все также пусть останутся на совести их авторов. Конечно же, во время пребывания на Пильном были частые обыски. Что искали? Видимо не могли себе представить, что все богатство можно без сожаления отдать,

чтобы идти за Господом, всецело посвятив Ему свою жизнь.

Мама вышла к чекистам с ребенком грудным (со мною) на руках и сказала, что дедушку своего не отдаст без обследования врача, который подтвердит, что его невозможно довезти даже до станции, не говоря уже о городе.

«Как Вы не боитесь так говорить, ведь на руках у Вас ребенок» — услышала Мама угрозу. Но была непреклонна.

Нужно себе только представить, что такое действие значило в то время, страшно даже подумать, чем могло все закончиться!

Тем ни менее врач был привезен и после осмотра сказал, что трогать такого больного нельзя.

Долго в келье вели один на один разговор представитель власти и дедушка.

О чем они говорили — одному Богу известно. Но когда чекист выходил от дедушки, Мама услышала: «Если бы все священники были та-

кими, как Ваш дедушка, мы все бы поверили в Бога...»

Промысел Божий и Мамина удивительная личность сохранили Преподобного для дальнейшего молитвенного подвига в помощь людям.

Любовь соединяющая нашу Маму с ее дедушкой, ныне Преподобным Серафимом Вырицким, продолжалась до конца его дней, а затем и до конца Маминых дней.

Дедушка говорил: «Маргариточка, я ведь схимник — мертвец для мира, а так люблю тебя! — это большой грех». Когда в его келью заходила Мама, и там кто-то был, он всегда говорил: «Это моя внучка Маргариточка, она у меня очень хорошая.»

Когда уже подходило время его ухода из этого мира, он очень ослаб (сердечная недостаточность) и Мама со слезами просила его, пока не будет лучше, никого не принимать, но он отвечал: «Пока поднимается моя рука для благословения, и оно нужно людям, я буду это делать».

И вот наступили последние дни его жизни. Острая сердечная недостаточность, Мама дни и ночи не отходила от его кровати, делала уколы камфары, чтобы как-то поддержать сердечную деятельность. Хочу подробно описать эти страшные для нас и светлые для него минуты.

Дедушка сказал Маме: «Маргариточка, ты так устала со мной». На что Мама, упав на колени и зарыдав, сказала: «Что ты, дедуленька, я готова всю свою жизнь ухаживать за тобой, только живи».

Но Господь уже определил срок земной жизни великого молитвенника.

В ночь со 2-го на 3-е апреля сердце совсем ослабло, почти не прослушивалось.

Мы с Мамой посадили дедушку в кресло, которое стояло около его постели, чтобы облегчить ему дыхание и Мама отправила меня спать в нашу комнату, мне в то время было 11 лет, и я со всей ясностью помню все, что было потом. Ночью, во 2-ом

часу Мама меня разбудила и сказала: «Дедуленька умирает».

«Почему ты знаешь это?» — воскликнула я.

Мама ответила: «Дедуленька сказал мне, что к нему пришла женщина неземной красоты, в белоснежных одеждах и указала рукой на небо».

Он-то знал, кто эта неземной красоты женщина, но необыкновенное смиление, скромность и все присущие великому человеку душевые свойства не позволили полностью назвать это чудное Явление.

После этого дедушка стал часто спрашивать Маму: «Маргариточка, который сейчас час? «И когда Мама сказала – 2 часа и 15 минут (ночи) он перекрестился, и рука упала, он ушел из этой земной жизни туда, где «всем скорбям и болезням конец». Так он писал в своем стихотворении «Слава великому Господу Богу».

Что пережила Мама трудно описать, ее любовь к нему была безгранична. Перед кончиной дедушка всех нас благословил маленькими иконками Серафима Саровского, специально заказанными им для этой цели еще раньше. Только меня он благословил тоже маленькой, но не новой иконой Серафима Саровского.

Маме он предсказал, что она останется вскоре без мужа и будет

одна воспитывать своих детей. «Не забывай Бога, и Он тебя никогда не оставит!»

Завещал приходить к нему на могилу как к живому, что мы (Мама и мы ее дети) и делали всю свою жизнь. С Мамой в течение более 40 лет ходили обязательно каждый день на могилу.

Отпевали Преподобного в Казанской церкви. Невероятное число народа приехало в этот день. Начальник вокзала организовал дополнительные поезда от Ленинграда до Вырицы, чтобы обеспечить людям возможность поездки. Люди шли от станции до церкви непрерывным потоком. Конечно же, в саму церковь войти было невозможно, и люди стояли в ограде церкви и на улицах, примыкающих к церкви. Все было заполнено народом. Матушке Серафиме (келейнице) сломали два ребра, некоторые просто падали на землю, сбитые людским потоком.

Вспоминаются подробности, связанные с этими скорбными днями.

Схимнику полагается соответствующая одежда (схима), лицо закрыто, это все было у дедушки еще со временем Лавры. Но когда Мама стала искать белье, которое было приготовлено, то найти не могла, как потом выяснилось, это белье дедушка успел отдать сыну женщины, которая каждый день бывала в нашем доме – Борису.

Даже самое необходимое не оставлялось в доме. То, что дедушке приносили люди, тут же, сразу, отдавалось другим. И это касалось всего, что бы у него не оказывалось из принесенного. Каждый вечер приходила матушка Вероника, мы ее звали алтарной матушкой, и ей дедушка для церкви вручал те деньги, которые ему приносили люди. Годы были очень трудные и люди жили в основном скучно, но и эти немногие пожертвования не оставались дома, даже на ночь, а отсылались в церковь.

Преподобный Серафим Вырицкий был неустанным молитвенни-

ком, великим молитвенником, с любовью, лаской и состраданием относившийся к каждому приходящему, знающий и видевший многое сокрытое от людских глаз и разума, обращавший этот дар в помощь каждому страждущему и ждущему помощи и поддержки.

Это был человек высокого интеллекта, духовной культуры, знающий великолепно историю, богатство русского языка. Процветающий, благодаря своим талантам, в мирской жизни, но всегда стремящийся оставить и оставивший все, чтобы идти за Господом.

Будем же просить его молитв у престола Всевышнего о нас грешных!

Келейница дедушки, которая жила в нашем доме после смерти бабушки (пришла к нам читать по бабушке Псалтырь и осталась — идти было некуда, монастырь закрыли), мантийная монахиня Серафима (Морозова А. П.) написала стихотворение, которое долгие годы было

прикреплено ко кресту на могиле дедушки:

Ушел родной, ушел всеми любимый,
Ушел с последнею молитвой на устах.
Но не тоскуй, не падай духом, в скором,
Он за тебя помолиться и Там, на Небесах.

Еще год после дедушкиной кончины, матушка Серафима жила в нашей семье. Затем она уехала в Пюхтицу, в монастырь, где приняла схиму и там же скончалась.

Матушка Серафима (ее родословная пересекается с линией А. С Пушкина.) была удивительной женщиной. С бесконечным восторгом относилась она ко всему, что связано с верой в Бога, что связано с Божественной природой.

Она не переставала любоваться и восхищаться синими далями, светом луны, мерцанием звезд...

Невольно вспоминается Вырица тех далеких лет (40-50 годы). Она была поистине прекрасна. Красивая чистая, в великолепных песчаных

берегах река Оредеж. Прямые, выложенные гранитным булыжником улицы, по обеим сторонам которых росли, тогда еще низкие ели (теперь все вырублено). Почти каждый дом окружал небольшой лесной, ничем не загрязненный, участок.

Великолепные весны, пробуждающаяся природа, молодая зелень на березах, первый аромат грозы с запахами листвы, хвои и еще Бог знает чего, но замечательного.

А летние дни и вечера с теплыми, именно теплыми дождями. Множество светлячков на ветках кустарников, в темноте переливающихся зеленым светом.

Зимние солнечные дни с хрустящим снегом, сверкающим всеми цветами радуги. Зимние лунные вечера, также со сверкающим под луной снегом, длинными тенями от деревьев и заборов, заснеженными ветвями елей.

А выюги, хочу вспомнить, что девушка рассказывал, как еще в миру любил зимние выюги и отпускал лошадей, чтобы пройтись пешком в этом замечательном вихре.

Матушка Серафима в жизни ничего не принимала к сердцу, кроме любви ко всему прекрасному и圣ому.

Она никогда не знала семейной жизни с мужчиной, их называла

«ядами», и когда я спрашивала, а как же ее отец, не находила ответа.

Это был человек, исполненный религиозного восторга, всегда радушный и терпеливый. Мы с ней перечитали все 30 томов жития святых, которые были у нас в доме. Особенно я приняла к сердцу из мучениц за Христа – Февронию.

Наша хорошая знакомая, профессиональная художница написала маслом большую картину, изображающую эту святую, и подарила мне.

Мама все иконы (как завещал дедушка) отдала в церковь, и эту, мою любимую.

Сейчас она где-то затерялась...

Матушку Серафиму я любила и была к ней привязана, называла ее «матушечка, расплывушечка, дрогушечка, золотушечка».

Много раз, впоследствии мы с Мамой ездили навещать ее в Пюхтицкий монастырь, в это освященное Богоматерью особое место, дающее то неповторимое настроение и

состояние, которые можно было там испытывать.

* * *

В те годы, когда процветало безбожие, когда люди верующие не могли себе позволить надеть крест (не имею в виду пожилых и уже не находящихся в обществе людей) и зашивали его часто в белье или во все не носили, Мама открыто носила свой крестильный, не малого размера крест и часто он был хорошо виден. При этом она работала в Военно-Медицинской академии старшей хирургической сестрой. И никто и никогда Маме по этому поводу не сделал предупреждение или замечание. Эта удивительная личность была полностью самостоятельна, и мысль о том, что это может принести много неприятностей, просто не приходила ей в голову.

Когда Мама приходила в церковь, у нее, женщины редко плачущей, были слезы. Нас это удивляло и мы говорили: «Будешь плакать, уй-

дем домой». Другими словами, были недовольны непривычным для нас ее состоянием. Глупые. Да, трудно себе представить, что человек, который прожил в монастыре с такими святыми людьми как дедушка и бабушка 10 лет, не сохранил бы в душе своей той подлинной Веры, которая, увы... сейчас в основном отсутствует, несмотря на одобрение общества.

А по жизни текущей для Мамы Бог был – Правда, Любовь и Добро. Так учили ее дедушка и бабушка, так она множество раз говорила нам, своим детям.

В маминой любви и желании помочь каждому, даже незнакомому человеку, был как бы отсвет дедушкиной любви и милосердия. Наш дом всегда был открыт, Мама всегда была до крайности гостеприимным человеком, не зависимо от того, кого оно принимала в своем доме, то ли это был известный человек (в Ленинграде у Мамы было много знакомых, еще бабушкиных) то ли простая нищая. В то, послевоенное время по домам ходили

нищие (конечно же совсем другие, нежели теперь). Одна из них – Груша. Мама никогда ее не угощала на кухне, где-то в углу, всегда ее сажала с нами за наш обеденный стол, с уважением с ней разговаривала. Мама часто вспоминала, что ее отец Николай Васильевич говорил, что если человек стоит не на верху социальной лестницы, то к нему тем более нужно относиться с особым уважением, как к носящему звание человека. Груша ходила ко многим людям, была интересным человеком, много знала и помнила. Ходили к нам и другие обездоленные люди, в то время их было немало. Перед своим концом Груша ни у кого не хотела ночевать и жила в холодном дровянном сарае, обогреваясь керосинкой. Там она и завершила свой нелегкий жизненный путь терпения и кротости.

В своей мирской жизни Мама часто пела своим исключительно красивым голосом множество романсов из репертуара Юрьевой, Вергинского, Шульженко. Имея такой вокаль-

ный дар, она никогда и нигде не выступала публично, хотя если бы она это сделала, то доставила бы большое удовольствие многим умеющим ценить красоту пения. Все эти великие, русские романсы с их искренностью, красотою слога и музыкальностью прошли через всю нашу жизнь. Помимо вокальных прекрасных способностей, она необыкновенно красиво декламировала стихи великих поэтов. Ее любимыми были Надсон, Лермонтов, Блок, Бальмонт, Гумилев, Ахматова и другие.

Осталось в памяти, как Мама на школьном вечере, где в самодеятельности выступали многие родители, читала стихотворение Блока «Портрет». Это ее выступление многим запомнилось на долгие годы и, встречаясь с нами, наши бывшие соученики вспоминали об этом. Одним из ее любимых стихотворений, которые она читала нам, детям, были стихотворения «Христианка» Надсона и стихотворение прекрасного поэта серебряного века Бальмонта «Лебедь».

Помещаю это стихотворение здесь с мыслью, что у кого-то еще не знающего этого большого поэта земли Российской, появится желание встретиться с его стихами.

Лебедь

Заводь спит, молчит вода зеркальная
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится печальная,
Как последний вздох души.

Это лебедь плачет умирающий.
Он с своим прошедшим говорит,
А на небе вечер догорающий
И горит и не горит.

Отчего так грустны эти жалобы?
От чего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чем жил с тревогой,
с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь.

Все, на чем печать непоправимого,
Больше лебедь в этой песне слил,

Точно он у озера родимого
О прощении молил.

И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глухи,
Лебедь пел все тише, все печальнее,
И метались камыши.

Эта удивительная женщина, наша Мама, никогда ни на кого не держала в сердце обиду, не говоря уже о злобе, никого за всю жизнь не осуждала. Когда я пишу сейчас эти строки, то мне такое состояние ее души кажется фантастическим, но в этих словах нет ни доли преувеличения. Как возможно такого достичь в жизни? Или это все должно быть дано свыше? Если Маме кто-то сделал что-нибудь по жизни хорошее, или просто сказал доброе слово, она без конца с благодарностью вспоминала этих людей. И даже в послед-

нее время жизни, она, уже не имея полной возможности говорить, все время повторяла: «Спасибо, спасибо, большое спасибо». Эти слова говорила и когда мы ее кормили, поправляли постель и часто просто их произносила.

Существует такое утверждение, что распознать религиозного человека можно не по тому, что он говорит и не по тому, каким он кажется, а по атмосфере, которая создается в его присутствии. Ибо никто не в состоянии создать атмосферу, не принадлежащую его духу. Это полностью соответствует нашей Маме, рядом с ней всегда было ощущение любви и добра, которое от нее исходило. И люди любого возраста и социального положения тянулись к ней душой, прибегая к ее советам, делились горестями, зная ее искреннее сочувствие. Работая последние 20 лет (она после выхода на пенсию работала до 66 лет) в Медицинском учреждении союзного значения, куда было сложно попасть даже на консультацию,

она старалась каждому, кто к ней обращался помочь в этом. И на слова благодарности всегда отвечала: «Не надо благодарить, для меня большое счастье, что смогла Вам помочь». Это правда. Причем очень часто это были люди, с которыми она никогда не была знакома. Люди, с которыми она общалась совершенно случайно, до сих пор, встречая нас, спрашивают: «Как Ваша мама?» Но ее уже нет с нами, она там, где должна быть исполненная любви душа. Ведь правдой будет, если скажем, что главным смыслом ее жизни была любовь.

У Ф. М. Достоевского есть об этом: «...единственный смысл всей жизни была любовь, и мы свои жизни обезсмыслили, опустошили и стоим без содержания и даже без способности принять то содержание, которое Господь может нам дать». Как печально и страшно когда ты понимаешь, что ты теряешь эту любовь.

Маме удалось сохранить это светлое чувство до конца своих дней. И

даже уже смертельно больная, уже не имеющая возможности говорить, каждого, кто оказывался рядом у ее постели, притягивала к себе, целуя им руки. Что же можно сказать о ее любви к нам, ее детям! Она говорила: «Безумно люблю своих детей!» Где бы мы ни были, что бы мы ни делали, она всегда была рядом, чтобы подсказать, помочь и просто быть с нами.

О нашей учебе она очень пеклась, переживала неудачи, радовалась успехам, была всегда в курсе наших событий. Перед поступлением моим в институт после окончания школы, она приколола над письменным столом расписание занятий для подготовки к вступительным экзаменам и делала каждый день мне диктанты, даже когда я этого не хотела. И уже намного, намного позднее переживала о моей предстоящей защите диссертации и даже здесь хотела мне чем-нибудь помочь. Чтобы освободить меня, сама ездила за отзывом на мою работу. Можно бесконечно

писать о ее заботе о нас. Это был бы никогда не заканчивающийся рассказ Удивительно, как у нее хватало силы, энергии, желания, так заботится о каждом из нас, ведь нас было четверо. И для каждого из нас хватало любви с избытком.

Что же касается ее сопереживания чужому горю, то оно было так сильно, что она действительно, без всякого преувеличения, могла по настоящему переживать горе человека даже совсем незнакомого. Тому примеров так много. Один из них, который меня поразил своей силой. У женщины (М. Н.), которую Мама просто знала, но не была связана дружбой, трагически погибла дочь, и Маме сказали об этом. Как только она услышала, сразу же, ни секунды не думая, побежала к той женщине, причем так стремительно, что я, не успев опомниться, тоже побежала вслед за Мамой, испуганная ее состоянием. И там Мама упала на колени перед этой женщиной и полностью разделила ее горе. Необыкновенна,

невообразима, не реальна была способность чувствовать горе чужого человека.

Теперь, понимая многое, думаю, что есть такие переживания, в которых трудно поддержать человека, последнее можно сделать только полностью разделив его. Но такое можно сделать, имея в душе великий потенциал сострадания, милосердия и любви. Такое дается свыше не каждому, увы...

Мама была уникальным, редко встречающимся человеком, в нашей земной жизни.

Также глубоко, искренне, всем сердцем Мама радовалась любой чужой радостью. Подобного рода примеров можно приводить множество. Что же говорить о ее любви к нам, ее детям. «Вы моя радость и жизнь» – говорила она. Нам она всегда хотела принести радость, в праздники создать обстановку торжества.

Перед Новым Годом у нас всегда ставилась в большой комнате елка,

до потолка. Она с радостным настроением украшалась, кроме игрушек мы на ветки развесивали конфеты, орехи, бумажные гирлянды — все так, как делалось в Мамином детстве, в монастыре. Под елку, мы все друг другу клали разные подарочки, «пустяковые», но для всех нас очень значительные. Совсем в детстве Мама в Новый Год приходила к нам Дедом Морозом, мы ее не узнавали и звали: «Мама, Мама...»

Долгие, долгие годы мы любили особенной детской любовью праздники Рождества и Нового Года, и всегда, будучи взрослыми, уже очень взрослыми, с Мамой обязательно ставили елку, ее украшали и под елку клали подарки друг другу и близким знакомым. Это было возвращение, хотя бы ненадолго, в детство.

Самым любимым праздником в нашей семье была Пасха. Мы все дети вместе с Мамой, а потом уже не дети, очень тщательно готовились. Мама пекла много куличей, чтобы была возможность всех угостить,

обязательно делалась в специальной форме Пасха, красились яйца. Ходили в церковь. Это было так радостно и так торжественно. Да, забыла написать, что в доме делалась уборка, чистилась икона, которой Маму благословила бабушка-схимонахиня Серафима, все приобретало особый праздничный вид. Помню, какой замечательной была пасхальная ночь с крестным ходом, зажженными свечами, с первым возгласом «Христос воскресе!» Мама старалась, насколько это было возможно, воспроизвести те состояния праздника, какие у нее были в детстве, когда она была у бабушки в монастыре.

День моего Ангела, 24 июля, Мама всегда отмечала особо. Утром просыпаясь, я находила на маленьком столике у кровати, накрытый салфеткой подарок, который я хотела иметь, особенно меня радовали красивые ленточки в косички. Обязательно пекла пирог с черничкой, который я очень любила. С утра мы с Мамой шли в церковь,

она надевала на меня маркизето-вое платье, которое она расшила синими васильками. Важно, какое у нее, а через нее и у меня, было радостное торжество на душе. И такую радость она всегда старалась принести для каждого из нас. Ведь у всех были именины, дни рождения, общие праздники.

Маму бесконечно заботило то, какими мы, ее дети, можем быть людьми и всеми способами – ее личными интуитивными и прочитанными в литературе православной, философской, художественной – старалась привить нам с детства любовь к правде, доброе отношение к людям, честность при всяких обстоятельствах, порядочность в любых ситуациях жизни. Ее огорчал всякий наш неверный шаг в жизни и многое, что отличало нас от ее нравственных правил.

И мы, в свою очередь, понимали сердцем как важно для человека то, к чему нас стараются привести, но, увы... такое не может так просто уда-

ваться, для этого нужно много затрачивать своих душевых сил.

Маме же все было дано Божественной искрой, которая была в ее душе.

Мне не было еще и семи лет, когда Мама подарила мне стихотворение, длинное на целый большой лист бумаги, написанное ее рукой очень старательно и поэтому красиво, имею в виду почерк. Стихотворение не ее, она никогда ничего стихотворного не писала, но прочитав его, захотела его мне дать видимо для руководства в моей будущей взрослой жизни.

Нелегкая жизнь – это участь всех живущих на земле. Христос сказал «в мире скорби будете...» но дал надежду, как можно справиться с такой участью. «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим, иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть».

Многие ли из нас способны идти указанным путем...

Стихотворение, которое мне дала Мама, я долго хранила, но со временем оно затерялось. Вот то, что я помню:

Если встретишь тину, злобы паутину
на своем пути,
В небо голубое, дитятко родное,
чаще ты смотри.
Если встретишь ложное, низкое
ничтожное на своем пути,
В небо голубое, дитятко родное,
чаще ты смотри...

И вот теперь, когда нет над нами крыльев ее земной любви, мы в полной мере почувствовали правду этих строк. А все, что мы и, живя с ней вместе, видели, знали, и чувствовали, проходило все же как будто мимо, задевая как бы мимоходом...

Сейчас, думая и вспоминая все Мамины старания в нашем воспитании, мне все же кажется, что в основе ее упорного труда лежал ее Личный пример, который и тогда нас, совсем еще детей, поражал. Но что мы

можем теперь сказать, положа руку на сердце – это наша бесконечную любовь и уважение к ней, благодарность судьбе за то, что наша жизнь прошла рядом с таким уникальным, великим душой человеком.

Мама осталась одна с нами, 4-мя детьми в 33 года. Это были очень тяжелые, трудные 50-е годы. И, несмотря на то, что жили тяжело, как все, Мама кому только могла и чем могла старалась помочь. В те годы много людей приезжало из разных мест в Вырицу в поисках работы и желая устроить свою жизнь. Как известно, без прописки в то время невозможно было ни работы найти, ни получить участок земли для постройки дома. Всем, кто обращался к Маме с просьбой прописать их в ее дом, Мама старалась помочь, домовая книга не вмещала всех желающих. Начальник спортивного стола, уважая Маму, говорила: «Маргарита Николаевна, Вы ведь их не знаете, будьте осторожны».

Такая помощь была абсолютно бескорыстной и многие из этих людей обосновались в Вырице, построив себе жилье.

В эти трудные годы Мама никогда не падала духом, не была в подавленном настроении, всегда была радостной. А при этом мы, все четверо детей друг за другом, а иногда и все вместе, болели всеми детскими болезнями, как отмечено ранее. Мама во время наших болезней часто даже не раздевалась, лишь прикладываясь ночью к нашим постелям.

Не имея возможности часто общаться с людьми ее круга, всегда оставалась человеком с высоким интеллектом, правильной русской речью и красивым тембром голоса. От своего отца, Николая Васильевича Муравьева, она унаследовала способность к иностранным языкам, в совершенстве знала немецкий язык, хотя для этого закончила лишь заочные курсы в Москве, не выезжая туда, по заданиям и мето-

дическим материалам, присылаемым по почте.

Никогда не трогали ее какие-то сплетни, выдумки, связанные с ее впечатляющей всех личностью. И если что-то и слышала, то внимания этому не уделяла. Но то, что было связано с дедушкой, какая-то неправда или вымысел, придумки, воспринимала очень, очень тяжело. Многие десятилетия каждый день, а то и два раза в день мы ходили на могилу к дедушке и бабушке. Всегда там был народ, иногда много народа, иногда с широким «народным фольклором», она просто этого не могла выносить и сразу же поклонившись, уходила. Никогда Мама не заявляла о том, чья она внучка, никогда не привлекала к себе никакого внимания. Память о дедушке для нее была такая святая, такой важности для ее души, что она не считала возможным для себя пользоваться ее светом.

* * *

В Пюхтицком монастыре нам приходилось встречать митрополита Алексия, будущего святейшего Патриарха Всея Руси.

Это был тогда еще сравнительно молодой, красивый и обаятельный человек, отличавшийся большой скромностью и тактом.

Игуменья Херувима, а после ее ухода на покой, Ангелина Маму принимали с большой теплотой и уважением.

Селили нас в своем игуменском корпусе на верхнем этаже, разрешили нам, детям играть и развиваться.

Вечная им память, замечательным, глубоко верующим, интеллигентным женщинам!

В 1959 году ушел из жизни настоятель Вырицкой церкви в честь иконы Божией Матери Казанской, отец Михаил (Иванов).

Невозможно не сказать об этом замечательном человеке.

Его глубокая вера в Бога носила такой эмоциональный накал, что

служба в церкви, которую он совершил, окрашивалась ярчайшими красками. До сих пор мы и многие помним его проповеди, полные искренней и горячей любви к Богу.

А какие были Пасхальные службы, как украшалась церковь, с какой непередаваемой радостью не только в голосе, но и во всем существе его, произносились Великие слова — «Христос Воскрес!»

В то время атеизма звание священника было не самым почитаемым обществом. Рассказывали, что всегда, здороваясь с кем-то, он называл себя — «священник Иванов».

Нашу Маму соединяли с ним дружеские отношения. Сходство темпераментов, яркость личностей были тому причиной.

Отец Михаил ушел из жизни в 37 лет, захваченный беспощадной болезнью.

За несколько минут до смерти Мама навещала его, и он даже в таком состоянии расспрашивал ее о всех нас, ее детях.

Светлая память останется в наших сердцах до конца уже наших дней.

Возвратимся снова к нашей драгоценной, незабвенной Маме.

Пришел октябрь 2004 года, последний месяц Маминого пребывания на земле.

Мы чувствовали это приближение ухода в Вечность, но сердцем не были в силах понять его неизбежность.

Последнюю неделю октября настоятель храма Казанской Божией Матери в Вырице отец Алексий (Коровин) приходил регулярно к Маме, причащал ее, соборовал.

2-го ноября Мама была совсем слаба, и было понятно, что конец близок. Отец Алексий прочитал вечером отходную молитву и простился с Мамой.

3-го ноября 2004 года в 7 ч. 15 мин. утра ее не стало.

В эти дни последние, день и ночь, не прекращая ни на минуту, читали Псалтырь по очереди наши близкие

знакомые – Клавдия, Надежда, Татьяна и Татьяна Семеновна.

Уверена полностью, что только дедушкиными святыми молитвами мы смогли вынести эту для нас, ее детей, страшную, сильнейшую душевную боль, это словами выразить просто невозможно.

Мама была для нас всем, что может быть значительного из всего земного.

Перед своим концом, после последнего соборования, Мама вдруг широко открыла глаза, которые стали, как в молодости, большими и светящимися, и, глядя в сторону двери, сказала ясно, очень четко и радостно: «Скоро, скоро...» Улыбка радости осветила ее лицо.

Моя сестра спросила: «Мама ты дедушке это сказала?» – «Да, дедуленьке», – больше она не приходила в сознание и совершенно тихо отошла.

Мы помним, что дедушка, когда был уже совсем слаб, перед своей кончиной, когда Мама была день

и ночь с ним, очень страдала, понимая приближение конца его земной жизни, сказал: «Маргариточка, не переживай так, Там мы будем вместе».

Мы верим, что это случилось! Она покоится сразу за часовней с мощами Преподобного, ее дедушки, и мы каждый раз обязательно говорим: «Дедуленька, мы отдали тебе твою Маргариточку».

Это облегчает.

Здесь, на этих страницах хотим сказать слова благодарности и признательности отцу Алексию и его матушке Людмиле, за то искреннее, человеческое участие в те страшные для нас дни.

Будем всегда с великой благодарностью помнить, как отец Алексий приходил к Маме с причастием, какие искренние и добрые слова ей говорил, как переживал, мы это видели, когда Мама ушла в другой мир, как жалел нас.

Отец Алексий с матушкой положили Маму в гроб, мы этого сделать просто не смогли бы.

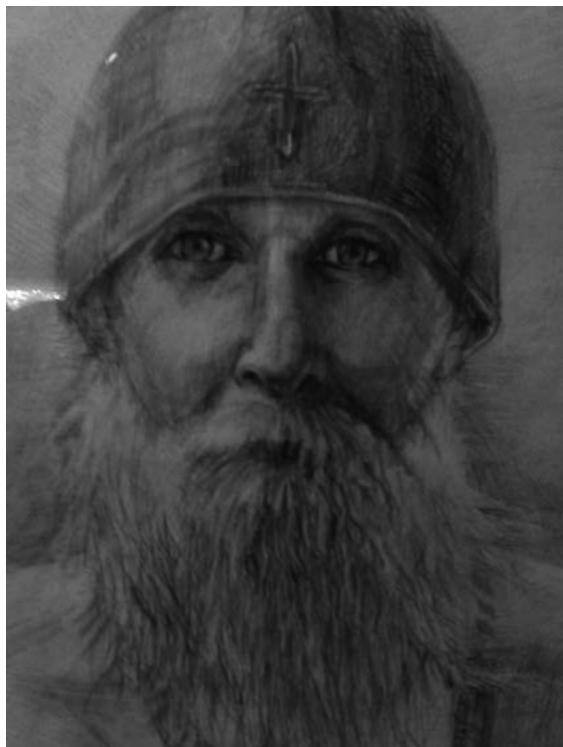
Как несли Маму до церкви на руках, как он шел всю дорогу впереди гроба и пел «Святый Боже». Мамин гроб несли шесть мужчин, глубокая им всем благодарность, а мы шли впереди и бросали на землю еловые ветки и красные гвоздики.

Матушка Людмила ездила со мной выбирать для Мамы платье, с каким желанием хотела она выбрать только красивое платье, «она же была дама» – говорила матушка.

Они все будут для нашей души всегда близкими людьми.

Посвящается Маргарите Муравьевой:

О Господи!
Тебе я только поклоняюсь.
К Тебе единому стремлюсь,
Идя глухой тропой.
Любви великой Ты носитель,
Ты мой Создатель и Спаситель,
Всей жизни жесткой, роковой.

* * *

Написанные Преподобным Серафимом Вырицким в разное время стихотворения хочу снова предложить читателю, ввиду того, что в книгах, ему посвященных, имеются неточности в этих стихах, которые, если внимательно прочесть, несколько искажают смысл.

Слава Великому Господу Богу!
Радостно дух мой воспой,
Сердцем стремлюсь я к Святому чертогу,
Там, где Иисусе сладчайший мой.

Ты в моей жизни едина надежда,
В скорбях, болезнях тобой я живлюсь.
Будь Ты мне радость, покров и одежда,
Сам на всю жизнь я Тебе предаюсь.

О, мой прекрасный и чудный Спаситель,
Дай мне Твою благодать.
Ты в моей жизни единый Учитель,
Был Ты всегда мне отец мой и мать.

Славой Небесной всегда восхищаюсь,
Жизнь суетой не прельщает земной,
Духом и сердцем своим устремляюсь,
К жизни Небесной с ее красотой.

Там в Небесах все святые соборы,
И мириады бесплотных духов,
Все воспевают божественным хором:
«Свят, Свят, Свят наш Господь Саваоф!»

Там у престола Великого Бога
Божия Матерь стоит,
В Славе Величия, в Силе Божественной
Жизнь нашу грешную в мире хранит.

Дух мой и сердце всегда веселится,
Ты мой Создатель и Бог и Отец.
И душа моя грешная к Небу стремится,
Там всем скорбям и болезням конец.

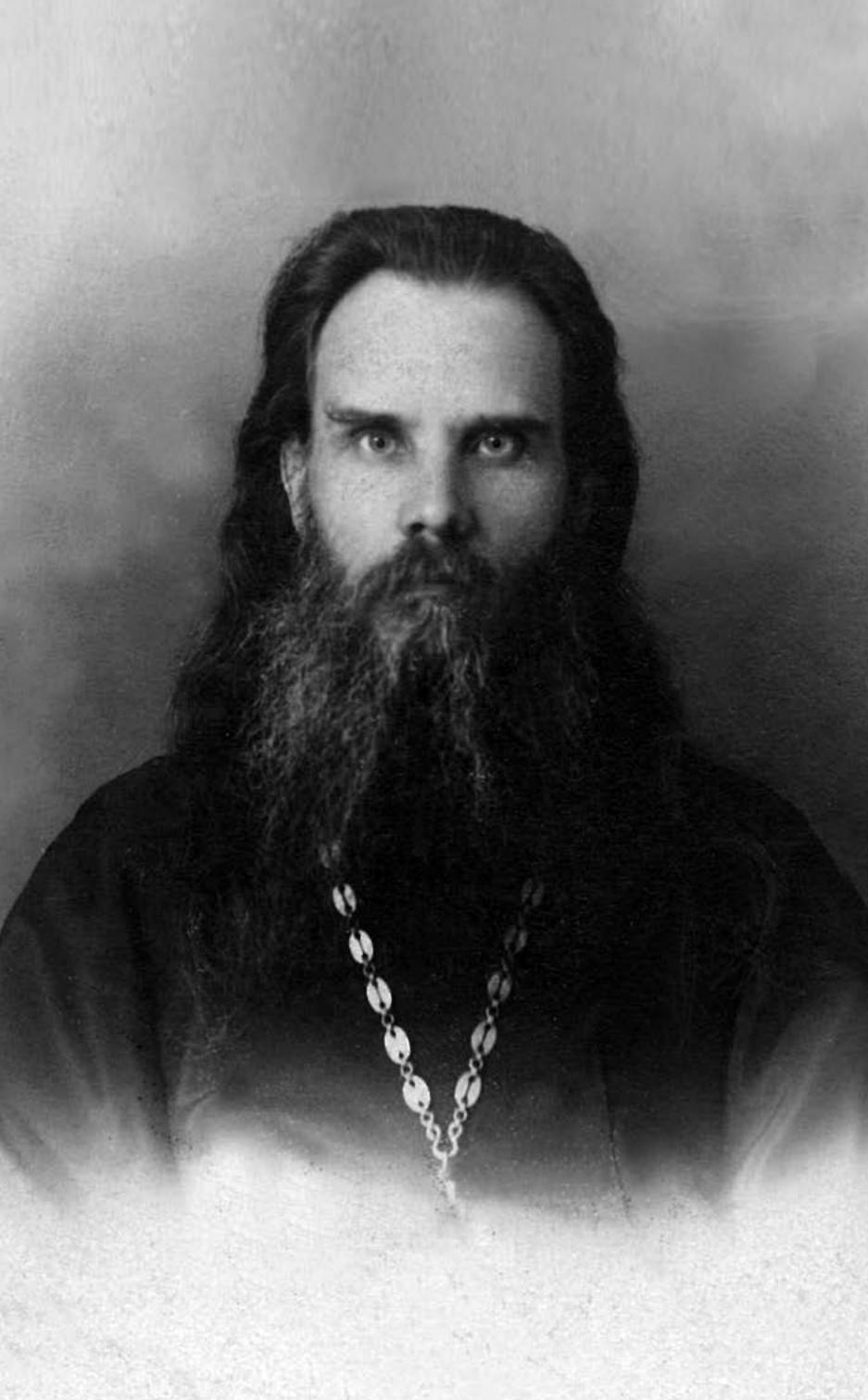
Слава Великому Господу Богу!
Радостно дух мой воспой.
Сердцем стремлюсь я к Святому чертогу,
Там, где Иисусе сладчайший мой.

И следующий его стих, тоже требующий, правда меньшей, но все же коррекции:

И в радости и в горе монах,
старик больной,
Идет к Святой иконе, в саду,
в тиши лесной.
Чтоб Богу помолиться за мир
и всех людей,
И старцу поклониться о Родине своей.
Молись Благой Царице
великий Серафим,
Она Христа десница,
помощница больным.
Заступница убогих, одежда для нагих,
В скорбях великих многих,
спасет рабов Своих.
В грехах мы погибаем, от Бога отступив,
И Бога оскорбляем в деяниях своих.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Первый настоятель —
протоиерей
Порфирий Десницкий*

Авенир Михайлович Леонов

Моя встреча с Дедом, или Собирание личности

*Эмоционально-философское эссе
оprotoиерее Порфирии Десницком,
о себе и о смысле жизни*

Глава 1. Встреча

Протоиерей Порфирий Десницкий умер в 1935 г., протоиерей Алексий Кибардин — в 1964 г., это были годы гонения на Церковь, и старинная православная традиция захоронения настоятелей за алтарем храма не могла быть исполнена.

«Чтобы исполнить волю священников — Порфирия и Алексия, их прах был поднят на вырицком клад-

бище. Богослужение в день перезахоронения 2 октября 2011 г. возглавил епископ Петергофский Маркелл, ему сослужили благочинный Гатчинского округа протоиерей Владимир Феер, настоятель храма протоиерей Георгий Преображенский и другие клирики. Останки пронесли крестным ходом вокруг храма. Впереди шествия шли дети, посыпавшие дорогу лепестками цветов. На заалтарных могилах была отслужена заупокойная лития. Событие собрало в Вырицкой церкви множество верующих» («Вода живая» № 11. 2011 г.).

Меня спросили: «Перезахоронение настоятелей – значительное событие для истории Церкви, а что оно значит для вас, лично для вас?» Я тогда не смог ответить, был взволнован, меня переполняли эмоции, впечатления и множество непричесанных мыслей, так что процесс осознания этого события продолжается, и об этом я хочу написать.

В тот день погода была тихой, сквозь мягкие облака светило ла-

сковое солнце, не шумели верхушки высоких сосен над старой частью вырицкого кладбища. В разлитой тишине, помолясь, приступили. Гроба не оказалось, он исчез, полностью растворился в земле. Первым достали Евангелие, пролежавшее 76 лет в земле на груди о. Порфирия. Казалось бы, обычная бумажная книга, но тление совершенно не тронуло Евангелие. Когда его раскрыли, о чудо – каждая страница была читаемой. Возглас изумления раздался у всех.

А когда бережно смели песок, облачение о. Порфирия засияло зо-

лотом и зеленой глазурью, как будто похороны были только вчера. У всех были слезы, печаль и радость смешались, всех охватило эйфорическое ощущение свидетелей чуда. Таковой была моя драматическая и радостная встреча с Дедом.

Перезахоронение прорвало атмосферу тишины, окружавшую моего Деда. По мере мыслей о нем и обретения архивных находок личность о. Порфирия стала проступать из забытья, — а тем самым собирается и моя личность. Я ощущаю, что меня становится больше, что я прирастаю духом Деда, теперь вместе со мной наставник, мне стало необходимо советоваться с ним. Жаль, что это не могло произойти раньше.

Время служения о. Порфирия выпало на самое лихолетье: революция, гражданская война, гонение на Церковь.

О. Порфирий родился 26 февраля (по ст. стилю) 1874 г. в селе Березовка Обоянского уезда Курской губернии в семье диакона. После окончания Кур-

ской духовной семинарии наступили 20 лет преподавания и заведования в церковно-приходских школах, ежегодно отмечаемые как отлично-усердные. Во время Первой мировой войны попечение о раненых воинах в Синодальном лазарете имени Цесаревича Алексея. И, конечно, главный труд о. Порфирия, вписавший его имя в историю — это создание братства по строительству церкви Казанской иконы Божией Матери, дальнейшее служение настоятелем и подвиг защиты храма от поругания и разрушения. Умер о. Порфирий 1 октября 1935 г.

Судьба и свобода — вещи, кажутся, противоречащие друг другу. Но нет, нам дана свобода увидеть или не увидеть свою судьбу, понять или не понять Божий Промысел, и, поняв, принять свободное решение исполнить предначертанное. Так что «конгруэнт универсум» — все согласуется.

О. Порфирий увидел свою судьбу исповедника, стал тружеником этой судьбы и никогда не отступал от этого пути. Для о. Порфирия не

существовало хотения, его жизнь – это, прежде всего, исполнение своего долга священнического служения. Он увидел свет во тьме страданий и греховности, и тогда и теперь, и передает его нам.

Глава 2. Как к нам пришёл отец Порфирий

Отец Порфирий пришёл к нам из Курской земли, края коренной набожности. Об этом свидетельствует тот факт, что там почти нет деревень, всё сёла, – так как деревня, в которой была построена церковь, получала статус села. Церкви, можно образно сказать, обильно вырастали из этой благословенной земли.

Многие сёла в этой местности, где добывался мел, назывались

Меловой Колодезь. Так село Новенькое, в храме которого в честь Архистратига Михаила служил дьяконом Десницкий Сергей Петров – отец Порфирия, поначалу называлось Верх Меловой Колодезь. В уезд-

ном центре Обоянь был монастырь и Троицкая церковь, возведённая в 1743 году на средства прихожан (варварски разрушена большевиками в 20-х годах). «В центре панорамы города Курска возвышается величественное здание Знаменского собора с серебристого цвета громадным куполом, не особенно много уступающим по величине куполам соборов Христа Спасителя в Москве и Исаакиевского в Петербурге» (Путеводитель по Курску. 1913 г.). Величественная архитектура храмов давала ощущение незыблемости христианского устройства России.

В 1897 году Порфирий Десницкий успешно закончил Курскую Духовную семинарию. Согласно прошению и по представлению ректора семинарии протоиерея Иакова Андреевича Новицкого, Епархиальным Преосвященным утверждён в должности старшего учителя начальной образцовой двухклассной при семинарии школы 30 октября 1897 года. Эту же семинарию в 1902 году закон-

чил Александр Караваевцев, родной брат будущей матушки Александры. «Против театра по Театральной улице находятся здания духовной семинарии, которая в 1882 году была переведена из Белгорода. При семинарии домовая церковь, где во время богослужения поёт прекрасный хор семинаристов. Выше семинарии здание общежития для семинаристов и церковно-приходская школа с церковью. В семинарии помещается редакция Курских Епархиальных Ведомостей, издающихся с 1871 года и заключающих в себе много статей по истории Курского края» (Путеводитель. 1913 г.).

В 1901 году в судьбе старательного и, конечно, радеющего о воспитанниках, но пока ещё никому не известного, молодого преподавателя церковно-приходской школы Порфирия Десницкого, происходит удивительный поворот. Определением Училищного Совета при Святейшем Синоде, от 21-22 августа (ст. ст.) 1901 года за № 755, утверждённом Обер-

Прокурором Святейшего Синода, перемещен на должность учителя двухклассной церковно-приходской школы имени Государя Императора Александра III, в Санкт-Петербурге при доме Синодального Училищного совета.

Согласно найденным документам, отец Порфирий Десницкий являлся священнослужителем в третьем поколении. Документально проследить историю семьи далее не удалось, поэтому мы не можем достоверно утверждать, что причиной перевода Порфирия Десницкого в столицу было его родство с Митрополитом Петербургским Ладожским и Эстляндским Михаилом (Десницким). Конечно, о прямой линии родства речи не идёт, так как и жена и дети Митрополита умерли, и он был вдовствующим монахом, но у него был дядя-священник в селе Хомяги и многочисленные родственники, о вспоможении которым Митрополит очень радел. Этую его волю, уже после его смерти, исполнил Государь Им-

ператор Александр I, издав в пользу родственников, полное собрание богословских трудов Митрополита Десницкого.

В Санкт-Петербурге и далее в Петрограде отец Порфирий с семьей проживал по адресу Кабинетская улица дом 13 с 1902 по 1918 год. Это были жилые помещения при доме Училищного совета. Сослуживцами и соседями отца Порфирия, многие из которых потом стали членами Вырицкого Казанского братства, были достаточно известные люди: председатель Училищного совета, магистр богословия, митрофорный протоиерей Павел Ильич Соколов, в дальнейшем архиепископ Палладий, действительный статский советник, преподаватель русского языка и теории музыки, редактор журнала «Народное образование» и ежедневной газеты «Приходской листок» Порфирий Петрович Мироносицкий, исследователь древнерусского и традиционного церковного искусства, архивист Василий Тимофеевич Геор-

гиеvский и др. Членом Братства также был Обер-Прокурор Св. Синода, Член Государственного Совета, Сенатор, Действительный Тайный Советник Владимир Карлович Саблер.

По вводу в действие Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, Светлейший князь Генрих Фёдорович Сайн-Витгенштейн стал распродавать свои наследные земли близ станции Вырица под дачные участки. Многие участки были куплены служителями Синода и Училищного Совета. Возможно, этому способствовало также и то обстоя-

тельство, что контора князя, расположавшаяся в Петербурге по адресу Загородный пр. д.31, находилась все-го лишь в квартале от дома Училищного Совета Кабинетская ул.д.13.

Так отец Порфирий оказался на Вырицкой земле. Ну, а дальше и не могло быть иначе: своим словом отец Порфирий поселил в сердцах Выритчан желание строить Храм.

Глава 3. Синодальный лазарет для больных и раненых воинов

«По объявлении 20 июля (ст. ст.) в четвертом часу дня в Зимнем Дворце Высочайшаго Манифеста о войне с Германией, Святейшим Синодом в тот же день в 6 часов совершено было в Казанском соборе торжественное молебствие о даровании российскому воинству победы. Затем, в 7 часов вечера, состоялось экстренное заседание Святейшего Синода, на котором приняты разного рода мероприятия, вызываемые возникающими из начала войны потребностями...

Святейший Синод озабочился... устройством лазарета для больных и раненых воинов. Лазарет устраивается, по предложению Обер-Прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера, в Обер-Прокурорском доме, по Литейному проспекту № 62, на 100 кроватей, и посвящается Августейшему имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексия Николаевича... Обслуживание лазарета имеет быть поручено сестрам милосердия Крестовоздвиженской Общины Красного Креста совместно с инокинями и послушницами тех женских обителей, из коих таковые будут вызваны для сего по усмотрению Святейшего Синода...

На включение лазарета в число учреждений Главного Общества Красного Креста испрашивается соизволение Государыни Императрицы Марии Федоровны».

«Прекрасно оборудованный как медицинскою помощью (в лазарете 5 врачей, в составе коих находятся

главный врач Крестовоздвиженской общины Красного Креста доктор медицины Б. А. Виноградов и известный хирург Л. В. Смирнов) и всеми необходимыми принадлежностями, Синодальный лазарет предоставляет находящимся в нём на излечении раненым воинам всё, потребное для удовлетворения и духовных их нужд. В октябре минувшего года состоялось освящение устроенной в нём, в честь Святого Алексия, Московского Чудотворца, церкви, в которой неупустильно совершаются богослужения.

К услугам раненых имеются в лазарете газеты, книги, шашки, шахматы, пианино, фисгармония...»

«В одном из залов второго этажа 24 октября 1914 года архиепископ Финляндский и Выборгский Сергий освятил временный храм с походным иконостасом. Его приписали к церкви Училищного Совета».

«Определением Святейшего Синода от 5-24 февраля (ст. ст.) 1916 года за № 740 постановлено: взвести священников Александро-Невской

церкви Училищного Совета при Святейшем Синоде, в гор. Петрограде, Порфирия Десницкого и Александра Россинского, за усердное исполнение ими священнических обязанностей в Синодальном Имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича лазарете для больных и раненых воинов, в сан протоиерея».

Глава 4. Ленинский «другой путь»

Тяжело читать «Церковные ведомости» за 1918 г.: на собраниях духовенства свидетельствуют о поджогах домов священников, о том, что их семьи остаются без крова и средств к существованию, об издевательствах и убийствах священников, и главное, что люди, осуществляющие эти злодеяния, не видят в этом греха.

Это был «другой путь», исходный момент которого был запечатлен в моем школьном букваре 1951 г. картиной художника П. П. Белоусо-

ва, названной легендарной ленинской фразой: «Мы пойдем другим путем». Там был нарисован Ленин-гимназист, только что получивший известие о казни брата Александра за подготовку террористического акта. Младший Ульянов был способным мальчиком, вот и критикнул старшего брата: мол, надо было другим путем, то есть не своими руками, а натравить гегемона на это дело, да и не одного Царя порешить, а всю семью под корень и всех, всех иже с ними.

19 января (ст. ст.) 1918 года Патриарх Тихон издал своё Воззвание, которое, в частности, гласило: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей земной».

«С Россией кончено... На последях
Её мы прогадели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока.
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до страшного суда»
Максимилиан Волошин («Мир» 1917 год).

Глава 5. Переплетение судеб

15 января 1886 года ректор Симбирской Духовной Семинарии протоиерей Николай Охотин, в будущем Архиепископ Гурий, совершил литию при гробе члена совета Братства Трёх Святителей, инспектора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова в присутствии православно крещёного и принадлежащего к симбирскому религиозному Обществу преподобно-

го Сергия Радонежского 16-летнего Владимира Ульянова и участвовал в отпевании. Членом Братства Трёх Святителей был и директор классической гимназии Ф.М. Керенский, отец будущего председателя Временного правительства Александра Федоровича Керенского.

С января 1896 года Епископ Гурий (Охотин) был председателем Училищного совета при Синоде. 14 июня 1898 года участвовал в закладке здания на Кабинетской ул. в Санкт-Петербурге, предназначенног для училищного совета, с церковью блгв. Вел. Кн. Александра Невского и образцовой церковно-приходской школой при нём. Преподавателем и затем заведующим школой и штатным священником этой церкви стал отец Порфирий Десницкий.

Глава 6. Революция и ЦПШ

Революция 1917 г. в России проходила по неизменной схеме всех революций: подготавлиют ее наив-

ные романтики, исполняют авантюристы, а все блага достаются мародерам, ловко использующим возникший хаос. Наивные – это те, кто забывают о греховности человека, о чем никогда не забывала Православная Церковь и прилагала все усилия, чтобы, выражаясь современным языком, профилактировать грех, создавая церковно-приходские школы. Но в середине XIX века церковно-приходские школы были вытеснены земскими, куда ринулись учителями разные спасители народа: нигилисты и ниспревергатели. Потом спохватились и, начиная с указа Государя Императора Александра III от 13 июня 1884 г., церковно-приходские школы возрождаются. В 1909 г. в Санкт-Петербурге проводится Всероссийская выставка церковно-приходских школ. В том же году заведующий церковно-приходской школой при Учительском Совете Синода священник Порфирий Десницкий награждается серебряной медалью в

честь 25-летия церковно-приходских школ.

ЦПШ были полноценными школами, помимо Закона Божьего в них преподавались общеобразовательные предметы: история, математика, иностранный язык и другие, были также классы кузнечного и слесарного дела, а в сельских школах еще обучались сельскохозяйственным навыкам. После революции ЦПШ были закрыты.

Глава 7. 1917 год переворачивал весь пласт

На фотографии 1905 г. Порфирий Сергеевич с супругой и братом Павлом Сергеевичем. Порфирий Сергеевич еще в светской одежде, он был рукоположен в сан священника в 1907 г., матушка Александра тяжела будущим сыном Николаем. Праздник, погостить приехал брат Павел, их лица светятся улыбкой, все хорошо, они уважаемы и счастливы – лучшие годы жизни Порфирия и

Александры. А потом все перевернулось.

Русский ученый-почвенник В. В. Докучаев доказал, что глубокая вспашка земли с переворачиванием пласта – вредна, гибнут аэробные микробы верхнего слоя, нуждающие-

ся в воздухе и свете, и почва мертвает, родит плохо. В 1917 г. то же происходило с российским обществом – переворачивался весь его пласт: «кто был никем, тот становился всем». Интеллигенцию всячески изводили, уничтожали либо, в лучшем случае, отправляли пароходами за границу.

То, где мы оказались сейчас, – это следствие более 1917 г., чем 1991 г.

Но мы даже не смогли пойти по ленинско-китайскому пути НЭПа, потому что забуревшая советская номенклатура, в отличие от первых комиссаров, сжимавших под кожанкой маузер, хотела сжимать большой толстый кошелек, не контролировать жиреющих нэпманов, а самим стать жиреющими. Об этом в 1998 г. очень четко сказал Джек Сакс: «Как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег

и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, тщательно продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатства в интересах узкого круга людей».

Глава 8. Иконостас

Моя мать, Фаина Порфириевна Десницкая, рассказывала мне, что матушка Александра держала на горячее чайник с сухарями, кружкой, ложкой, сменой белья – ждали ареста. Трудно даже представить это постоянное напряжение, когда не знаешь, удастся ли вечером лечь спать в свою постель, разбудят ли утренние лучи солнца или ночной стук в дверь.

В это грозное время о. Порфирий совершил подвиг, плоды которого мы видим в храме. За одним из чаепитий помощник настоятеля Николай Иванович спросил, не надеясь на ответ, более рассуждая с собой: «А как оказался резной иконостас из

Никольской церкви приюта братьев Брусницыных в нашем храме?» И я обрадовался, что могу ему ответить: «А вот эту тайну я могу легко раскрыть. Мать мне рассказывала, что о. Порфирий на свои деньги нанял подводы и, лично их сопровождая, привез сюда иконостас из закрывающей Никольской церкви с Косой линии Васильевского острова». Можно предполагать, что в той обстановке, когда по Петрограду сновали патрули, такая «операция» могла стоить ареста или даже жизни. Если даже и был оформлен какой-то разрешительный документ, что маловероятно, то нельзя недооценивать «личной инициативы» и «личного рвения» товарищей с красными повязками. В мемуарах одного из советских политруков есть такая строчка о его революционной молодости: «...веду я его, а морда у него такая интеллигентная, ну я его штычком». Петроград был увшан плакатами: «Мир хижинам – война дворцам», «Война и смерть классовым врагам

пролетариата» и т. п. Большевики подменили веру в Бога верой в атеизм, храмовые пространства подменили пространствами пропаганды и агитации. В новых «храмовых» про-

странствах, именуемых красными уголками, висели новые «иконы» — портреты вождей и плакаты типа: «Бога нет; религия — это выдумка; мир никто не сотворил».

Возвращаясь к стезе нашего повествования, заглянем в справочник В. В. Антонова и А. В. Кобака «Святыни Санкт-Петербурга»: «Церковь свт. Николая Чудотворца при Доме призрения в память Николая и Елены Брусицыных закрыта 28 сентября 1922 г.; ныне в здании 15а, Косая линия В. О. — Морская академия им. Адмирала С. О. Макарова. Резной дубовый иконостас работы мастер-

ской А. И. Циммермана и две иконы: «Благословение Спасителем детей» и Божией Матери «Всех скорбящих Радость», написанные профессором Н. А. Кошелевым — находятся сейчас в Казанской церкви пос. Вырица».

Глава 9. «...а что это значит для Вас, лично для Вас?»

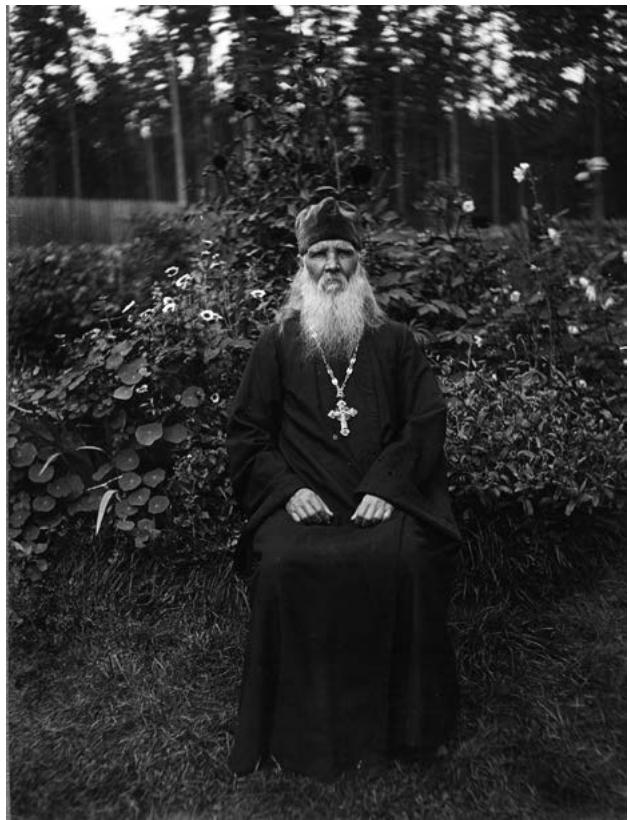
Ещё и ещё раз я перечитываю глубоко проникновенное слово митрофорного протоиерея Павла Ильича Соколова, сказанное перед совершением молебна пред Иконою Казанской Божией Матери девятого декабря (ст. ст.) 1912 года в церкви Училищного Совета, с которого началось общее собрание членов Братства. Часть приведу: «...Первое, как мне передавали, в чём вы намерены выразить свою братскую любовь, есть построение храма. Слава и благодарение Богу! Храм особо необходимый предмет для христианина. Он есть дом Божий, селение Божие, небо на земле. В храме Господь осо-

бенным образом являет Своё присутствие, внемлет нашим молитвам, щедрит Свою благодатью. Было время, когда богообщение было возможно и без храма; бывают и теперь избранники, вроде преподобного Серафима Саровского, которые терпением и молитвою достигают чистоты сердца в такой степени, что оно становится храмом Божиим. Но таких людей немного, большинству же, как и нам с вами, братие, общение с Господом Богом возможно не иначе, как при посредстве храма. И вот, когда душа наша по особым побуждениям радости или печали, успеха или неудачи, ищет Господа, чтобы излить перед ним свои чувства, когда изнемогают наши силы или разрушаются наши планы, и мы ищем ответа на тревожащие нас вопросы, — мы преклоняем колена и сердца в храме Господнем пред алтарём Его святым и непременно, так или иначе, слышим голос Господен, ощущаем Его присутствие, чувствуем, что Господь «тут вся дни»...

Не жалейте и вы, братие, средств на построение своего храма. Стройте храм величественный и благолепный. Позаботьтесь, чтобы он соответствовал своему высокому назначению, действительно напоминал небо. Да поможет вам Всеблагий Господь в этом. Аминь». При каждом перечитывании возникает волнение, какие верные и точные слова найдены, на них сразу откликается душа.

Еще мне хочется предположить, что отец Павел Соколов, будущий Архиепископ Астраханский и Енотаевский, проживая на Кабинетской 13, по-соседски заходил иногда «на огонёк» к отцу Порфирию, выпить чашечку чая в приятном общении, получить минутное отдохновение от трудов в семье, наполненной детскими голосами, так как жена и дети отца Павла были призваны Господом.

Не получается у меня прочесть без набежавшей слезы сухую строчку в отчете Братства, в списке вещей,

пожертвованных для храма: «А. Т. Десница – покровъ на престоль красный, шелковый и пелена на пюпитръ». Представляется, как Матушка своими руками вышивает пелену, лицо её светло и радостно. Жаль, что пелена не сохранилась, а так бы хотелось поцеловать её край.

Будьте прокляты изверги, не пожалевшие ни матушку Александру, ни патронов. Стреляли профессионалы, чтобы не встретится с последним взглядом жертвы, три пули кучно «уложены» в голову сбоку. Матушке Александре был 51 год.

В единственном документе найденном в ЦГА СПб, в «Регистрационной карточке Служителей Религиозных Культов» (1924 год) стоит собственноручная размашистая подпись отца Порфирия: «ПРОТОИЕРЕЙ П. ДЕСНИЦКИЙ». В этой подписи характер и бесстрашие.

Я смотрю на фото и говорю: «Дед, не убоявшись смерти, ты до последнего дня посвятил свою жизнь привославлению Господа! Ты нам пример!»

Глава 10. Литейный, 4

Для нас, то есть для меня, моих двоюродных братьев и сестры, оказалось совершенной неожиданностью, когда обнажилась страшная

тайна гибели дедушки и бабушки. Заботясь о нашей судьбе, наши родители оберегали нас от опасных знаний. Моя мама, Фаина Порфирьевна, умерла в 2004 году, но тяжёлый пресс пережитого, когда один за другим исчезали далекие и близкие люди, продолжал хватать за горло при желании рассказать страшную правду. Может быть, приходили опасения, что времена гонений могут вернуться, и знающие правду люди, будут снова исчезать.

Когда я пришел на Литейный, 4, в приемную ФСБ, чтобы подать запрос в архив, то его у меня не взяли, цинично заявив: «Это не по нашему ведомству, если бы это были мы, то ваш дедушка валялся бы в общей яме в Левашово, а так он все-таки на вырицком кладбище».

В свидетельстве о смерти П. С. Десницкого значится совершенно непрофессионально сформулированная даже для поселкового совета в 1935 г. причина смерти: «ослабле-

ние сердечной деятельности». врачи травматологи, осматривавшие останки о. Порфирия, пришли к единому мнению о наличии следов насильственной смерти.

В приемной ГУВД женщина-полковник более сочувственно меня выслушала и, взглянув на фото останков матушки Александры Десницкой, сказала, что тут двух мнений быть не может — на черепе видны следы огнестрела. Но если даже и было открыто уголовное дело, то по истечении 25 лет оно было уничтожено за сроком давности, и в поисках ничем помочь нельзя.

У моей двоюродной сестры Мирзы Николаевны Десницкой чудом сохранилась фотография похорон матушки Александры. Вместе со священником за гробом идут сыновья: Владимир, Сергей, Авенир. Гроб матушки несут женщины (я даже не знал, что существует такая православная традиция). Совсем немного видно лицо усопшей, все заботливо укутано платком, чтобы закрыть

страшные раны (три пулевых ранения в голову). На фото мы видим, что проститься с матушкой пришло много жителей Вырицы.

Какие могут быть догадки? Судя по документам, моя мать Фаина Порфириевна и ее младший брат Авенир были вынуждены срочно перепрописаться по другим адресам: мать к моему будущему отцу на Васильевский остров, а Авенир в квартиру Паниных на Малой Посадской – то есть скромный, но добротный дом протоиерея Порфирия Десницкого после кончины супругов срочно понадобился местным властям. По времени это совпадало с началом размещения в Вырице в связи с учебной подготовкой офицерского состава будущей ударной группировки советских войск для отражения нападения Финляндии. Вырица в то время была насыщена различными офицерскими курсами. А в храме Казанской иконы Божией Матери в это время открыли кинозал школы ОСОАВИАХИМ.

Отсутствие в гатчинском учреждении загса свидетельства о смерти матушки Александры наталкивает на мысль об изъятии данного документа, так как близкие по датам документы на других вырятаны на своем месте.

Глава 11. Жизнь на Васильевском

В 1950-х гг. мы жили в бывшем доходном доме постройки конца XIX века на 18-й линии Васильевского острова, в коммунальной квартире, в комнате, которую получил отец от своей работы в проектном институте МЕХАНОБР. Окна выходили во двор-колодец, а в первой парадной, где жил мой одноклассник Миша, был даже старинный лифт. Когда мы, мальчишки, пробирались в подвал, то в колеблющемся свете свечи выступали массивные останки парового котла «Браун-Бовери», турбина «Эшэр-Вис», разбитые вольтметры и амперметры «Сименс-Шукерт» с по-

зеленевшими медными ободками и застывший генератор, когда-то питавший моторы лифта. В мое время лифт уже был подключен к общей кабельной электросети, но отопление еще долгое время оставалось печным, и мать отстаивала долгие очереди с рюкзаком, чтобы купить торфяные брикеты, которыми потом топили большую угловую изразцовую печь. В комнате в старом шкафу еще стояли несколько томов сочинений Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина в сафьяновом переплете и несколько томов «Жизни животных» Брема с гравюрами – «наследство» от прежних двух сестер-мещанок, живших ранее в этой квартире.

Во времена моей юности у меня не было такого мудрого наставника, как о. Порфирий. Где-то в 15 лет я вдруг оказался совершенно растерян из-за полного непонимания смысла явления меня на свет. Наверно, с неделю, совершенно здоровый, я валялся на диване, уставившись в потолок, с од-

ним лишь вопросом: «зачем все это?», и ни на йоту не мог продвинуться к ответу на этот вопрос. Мне казалось, что я уже все увидел, и это «все» было ужасно скучным и лишенным смысла, что все какое-то ненастоящее, какая-то шутка. Мне тогда казалось, что, может быть, самое умное – это забыться навсегда, заставить свое тело умереть и не лезть в эту людскую свалку. Теперь я с ужасом думаю, что будь у меня тогда характер посильнее, то с такими размышлениями я мог бы совершить что-то не обратимое, последнее.

Как бы мне тогда полегчало, если бы кто-то мягко, но неопровергимо объяснил мне, что иметь разум – это величайшее испытание, посланное нам Богом, и человек – не более чем раб Божий. Да-да, осознание себя рабом Божиим очень плодотворно и, возможно, могло бы многих спасти в опасном возрасте и не только в нем. Это осознание плодотворно не только во спасение, но и для повседневной жизни.

Первый настоятель – протоиерей Порфирий Десницкий

При всех условиях остается вопрос: сможет ли разум гарантировать спасение человечества? Это означает: сможет ли совершенствование разума обогнать разрушительную деятельность неразумных человеческих существ и сообществ? Ответа нет. Но, быть может, ответ знали преподобный Серафим Вырицкий и о. Порфирий, который постоянно с ним общался и причащал его.

Придем к их могилам, поклонимся, их молитвами и к нам придут светлые мысли, а пока надежда только на Спасителя.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Протоиерей Алексей Коровин.
40 лет служения в храма
Казанской Божией Матери*

Вскоре после кончины приснопоминаемого протоиерея Алексея Коровина его духовные чада подготовили к изданию книгу «Пастырь добрый. Хранитель святыни», Якшур-Бадья, 2007. Книга вышла по благословению митрополита Ижевского и Удмуртского Николая (о. Алексей родом из этих краев) небольшим тиражом, разошедшимся в основном по месту издания. Из этой книги мы взяли основные материалы для рассказа о многолетнем настоятеле Казанского храма в благословенной Вырице. И сразу же хотим сказать, что он явно был избранником Божиим, получившим глубокое духовное воспитание от своей праведной матери.

В начале книги мы видим трогательную фотографию маленькой девочки, под которой стоит подпись: «Послушница Кунгурского монастыря, будущая мама о. Алексея». Читая дальше, узнаем, что вся семья матери была особо благочестива — три ее старших сестры проходили послушание в Кунгурском монастыре, в который их определил отец после смерти жены по слезной просьбе самих девушек. Младшая Анастасия прошла суровую школу послушания не только в монастыре, но и в далеком скиту. Но при этом она, как и ее сестры, и мысли не допускали о том, чтобы оставить обитель. После революции возможность спасения за стенами монастырскими была закрыта, и пришлось вернуться в мир, в родную деревню. Анастасии было в то время 19 лет, и на нее легли все заботы по большому хозяйству. Мачеха ее уговорила выбрать себе жениха, чтобы в доме был мужчина-хозяин. И Анастасии из всех деревенских выбрала именно того, с кем познаком-

милась на церковном клиросе, с кем имела духовное родство.

В семейной жизни пришлось спасться скорбями — через три дня после свадьбы умерла от тифа названная мать и молодые сами заболели этой страшной болезнью — такой у них был «медовый месяц». Родилось 8 детей, 4 из них умерло. Муж, подорвавший здоровье на принудительных работах, рано скончался. И матушка Анастасия с четырьмя малыми детьми (будущий отец Алексей был младшим, родился 26 марта 1940 года) отправилась в странствия, несколько лет скитаясь по чужим домам. Долгое время дети не знали вкуса хлеба. Во время войны их приютила женщина, у которой было трое своих детей, в том же доме жила еще женщина с двумя детьми, — и так они ютились в избе огромной семьей: двенадцать детей и трое взрослых. Основной едой была картошка, но и этому были рады. Жили дружно, потому что были настоящими христианами.

Одна из тетушек отца Алексея — монахиня Емилия — была исповедницей Христовой, целых 15 лет она провела в лагерях. Там познакомилась с ныне прославленным в лике святых старцем Кукшой. После освобождения он посетил семью Коровиных, а потом после переезда старца в Одессу, матушка Емилия с младшей сестрой Анастасией поехали к отцу Кукше в далекий южный город. От великого старца Анастасия Харитоновна получила предсказание о будущем священническом служении ее младшего сына. И с тех пор внимательно присматривалась к его возрастанию. И, — небывалое, удивительное дело, — в преклонном возрасте посчитала необходимым написать «Историю жизни Алеши», сознавая, какого необыкновенного мальчика даровал ей Господь. Начало этого рассказа можно назвать «Святое детство». Мальчик Алеша (родившийся в советское время) учится читать по Псалтыри, не вступает в шумные игры сверстников,

терпит притеснения учителей — несколько раз с него срывают крест. Он на редкость послушен: луковичку с огорода не сорвет без спроса у матери, мгновенно выполняет любую ее просьбу. Любит молиться и читать духовные книги. В 10 лет продажей букетиков скромных цветов заработал себе денег на пальто. Добрый плод доброго сеяния — вот что можно сказать, прочитав бесхитростный рассказ Анастасии Харитоновны. В благочестивой семье от матери-подвижницы родился будущий хранитель великой святыни!

Удивительны пути промысла Божия, наставившего Алешу на стезю священства. После окончания школы ему пришлось много поработать: и на тракторе, и в геодезической партии, и электромонтером.

И вот однажды на Страстной неделе Алексей молился о том, чтобы ему попасть на Пасху в церковь, которая от дома находилась далеко — в 60 километрах. Но при этом думал: «Кто же меня отпустит с ра-

боты?» Перед Вербным Воскресеньем, во время работы в мастерской ему попала в глаз железная стружка. Пришлось ехать в город в больницу, иначе бы остался без глаза. В городе он ходил в больницу через день, а остальные дни — в церковь. Познакомился с алтарниками, они стали его звать в собор прислуживать. Вернувшись домой, Алексей рассказал об этом матери, она его благословила. Вскоре он обратился к владыке ижевскому Ювеналию с просьбой благословить его петь и читать на клиросе, Владыка проверив его подготовку, с радостью благословил. Происходило это летом 1958 года, Алексею исполнилось 18 лет, а уже 1 сентября владыка направил своего иподьякона на учебу в Ленинградскую Духовную семинарию. Вот какие последствия вызвала попавшая в глаз железная стружка... А вернее, горячая молитва избранника Божия.

После успешного окончания 2 курса семинарии, Алексея забрали в армию. За три года службы его жизнь

не раз подвергалась серьезной опасности, и как он сам говорил «спасла только молитва матери». Отдав долг Родине, Алексей вернулся в семинарию, отлично закончил ее и поступил в Духовную Академию.

Матушку для себя отец Алексей привез из родного края — dochь протодьякона Арсения из собора в г. Кунгуре, где регентом была родная сестра матери, скромная певчая Людмила (учившаяся на фармацевта) приглянулась будущему священнику и всем его родственникам. Вскоре состоялось венчание и еще до окончания учебы в Академии, рукоположение во священника. Очень трудными были первые полтора года служения на приходе, когда до далекого Олонца приходилось добираться много часов, иногда рискуя жизнью при непогоде.

По окончании Академии иерей Алексей Коровин получил благословение на служение в Вырицком храме Казанской иконы Божией Матери. Сбылось предсказание

прп. Кукши Одесского о том, что всю жизнь он будет служить на одном приходе. Более тридцати лет, не позволяя себе долгих отпусков и выходных дней, отец Алексей был хранителем Вырицких святынь. Отлучался он только на родину, чтобы навестить маму.

О святом отношении истинной Рабы Божией Анастасии к превратностям этой жизни говорит событие, произошедшее незадолго до ее кончины. У одной из ее дочерей дотла сгорел дом и все имущество, родные боялись говорить об этом Анастасии Харитоновне, опасаясь, что она будет очень расстраиваться и это окончательно подорвет ее хрупкое здоровье. Но, когда она узнала о пожаре, то отнеслась к известию, как подлинная христианка: «Бог даде, Бог отъя. Надо было, видно, пострадать». Вот такая смиренная, по-настоящему верующая мать была у отца Алексея!

А теперь обратимся к воспоминаниям верной помощницы отца Алексея Коровина — матушки Люд-

милы. «С 1967 года мы поселились в Вырице, не думая, что останемся здесь на всю жизнь. В то время выпускники Духовной Академии чаще всего разъезжались по епархиям, из которых прибыли. Но настоятель вырицкой Казанской церкви протоиерей Александр Мошанский, замечательный пастырь дореволюционной школы, был уже стареньkim, часто болел, почти все время приходилось служить о. Алексию. И когда он закончил Академию, владыка Никодим (Ротов) спросил у него: «Разве тебе не нравится здесь служить?» Вопрос был решен. Батюшка всегда жил по послушанию. Видно, на то была воля Божья.

В Вырице нас очень тепло, по-родительски, встретила семья протоиерея Владимира Сидорова, настоятеля церкви апп. Петра и Павла в Вырице. Отец Владимир с матушкой Ниной Васильевной окружили нас теплом и заботой. Мы долго дружили семьями. Двадцать восемь лет мы прожили в этом церковном домике,

и владык здесь принимали, и детей вырастили. Сын и старшая дочь живут уже своими семьями, младшая — с нами. Все остались на родине, в Вырице. У нас четверо внуков.

Надо сказать, что местные власти и теперь, и прежде, даже в 60-е годы, когда было гонение на веру, относились к церкви, к верующим доброжелательно, уважительно. Не глумились, не оскорбляли. Власти помогли приходу в проведении дня прославления старца Серафима.

Когда в Вырицу переехала моя старшая сестра, врач, она безпрепятственно смогла петь здесь на клиросе за воскресным богослужением, а в другом городе ей как медработнику (идеологический фронт) не позволяли ходить в церковь. Осеню в возрасте 75 лет она тихо, по-христиански, отошла от нас. Я очень ей благодарна за то, что она помогла вырастить наших детей, заботясь об их здоровье.

Есть пророчество о том, что здесь будет монастырь, не знаю, принад-

лежит ли оно старцу Серафиму. Думаю, что угодно Богу, то и исполнится. Но не нужно торопить время, не нужно его опережать, мы очень любим это делать. Нужно ждать, что даст Господь, как благословит. Как река наша Оредеж течет — тихо, покойно — так и нам надо жить.

Вырица — особенное место. Конечно, рядом с храмом — везде хорошо, но здесь необыкновенно по-своему. Тихо, спокойно, благодатно, красиво. Это наша вторая родина. Молодыми были — выбирались в город, а теперь и не тянет в шум и суету, выезжаем только по делам.

О старце Серафиме мы слышали и до приезда в Вырицу, почитали его. Когда поселились здесь, узнали много нового, душеполезного. Всегда служили панихиды на могилке. Тридцать лет назад были живы многие духовные чада о. Серафима, они часто бывали на могилке. Теперь приезжают паломники. Люди бывают и утром, и вечером. Иногда даже в ночное время просят открыть

часовенку, помолятся и уезжают. Если сердце человека настроено на встречу с благодатью, он ощутит ее. Под покровом Пресвятой Богородицы, преподобного старца Серафима здесь очень хорошо. Наша Казанская церковь намоленная, закрывалась лишь на несколько лет».¹

Матушка, как и полагается верующему человеку, помнит и говорит только о хорошем, но из писем отца Алексея и воспоминаний вырицких сторожил, мы знаем, как несложно жилось семье на протяжении десятилетий в Вырице. Это сейчас в любое время года в Вырице в Казанском храме много людей, их пожертвования позволяют содержать очень большой приход, проводить восстановительные и строительные работы. А с конца 1960-х и до начала 80-х годов Вырица была тихим дачным местом, прихожан в храме было немного, старики уходили в мир иной, а новое поколение воспитывала

¹ Опубликовано в газете «Православный Санкт-Петербург» в 2003 году

лось под атеистическими лозунгами. Семья Коровиных еле сводила концы с концами, выживали только за счет своего небольшого огородика. Но, отец Алексей, не уставал повторять, внушать своим детям, матушке и прихожанам: главное в этой жизни не забота о теле, а спасение души. И вскоре на нем сбылось евангельское речение о том, что «не может светильник укрыться под спудом» — к отцу Алексею в Вырицу потянулся народ, в основном верующие питерские интеллигенты, в первую очередь творческие люди, которые нашли у него глубокое понимание их поисков и проблем. Все они вспоминают о редкой деликатности, душевной утонченности отца Алексея; о том, что никогда он не действовал методом строгих указаний и разоблачений. Решением всех проблем отец Алексей считал молитву, сам был великим молитвенником и к этому призывал. Семья Коровиных жила в домике рядом с храмом (там, где сейчас трапезная), потому ба-

тюшка всегда был доступен для всех «труждающихся и обремененных», при нужде духовной мог открыть храм и среди ночи, мог служить литургию и для одного человека.¹

А сколько местных жителей отец Алексей с любовью проводил в последний путь, посещая на дому, укрепляя своей беседой и молитвой изнемогающих страдальцев.

Скромно, тихо прожил свою жизнь отец Алексей и Бог вознаградил его, — в первую очередь bla-

1 Позволю себе личные воспоминания. Когда тяжело болел (как оказалось, это была предсмертная болезнь) мой духовный отец — протоиерей Александр Козлов, я по просьбе наших бабушек прихожан поехала в Вырицу помолиться. Приехала рано утром, в Казанском храме никого не было (была суровая зима и будний день), но когда отец Алексей узнал, в чем дело, он тут же стал служить литургию, неустанно поминая своего собрата протоиерея Александра. Навсегда запомню эту удивительную службу в пустом храме, которую я всю полностьюостояла на коленях. — Людмила Ильинина.

годаря собирательским и молитвенным трудам отца Алексея в 2000 году состоялось прославление старца Серафима Вырицкого. Много трудов отец Алексей положил и для организации самой процедуры прославления. В его архиве сохранился,

написанный от руки документ, свидетельствующий о скрупулезности и аккуратности настоятеля Казанского храма в Вырице.

«О подготовлении к прославлению»

1. Приблизительная дата
2. Как разместить духовенство в алтаре, где найти место для облачения священнослужителей, как организовать порядок за богослужением (следить за светильниками, в том числе и вне храма), Как заказать необходимое кол-во просфор, осуществить питание паломников, трапезу после торжества для духовенства.
3. Как дать возможность паломникам участвовать в богослужении (радио).
4. Оповещение о событии. В том числе и соотечественников зарубежом.
5. Обращение о пожертвованиях на устроение празднества (рака, оформление помещения, например подземного храма)

6. Кому поручить подготовку раки, внутреннее благоустройство храма, м. б. Сени над ракой, а это значит: А\ земляные работы, выемка грунта из подвальной части под никольским пределом Б\ устройство интерьера

7. Богослужебная часть: какие молитвы из Службы, тексты стихир, тропаря, кондака, канона (Акафист — Александр Рака....ян)

8. Прославляемый был исповедником в широком понимании этого слова, а потому надо устроить оповещение об исповеди во всех пределах храма, а за литургией — причащение.

9. Не забыть иеросхимонаха Варнаву — духовника Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры.

10. Приготовить образочки, фото с них или другие изображения больших и малых форматов, м. б. значок с образом прославляемого.

11. Учредить группу писателей и записывающих о прошлом и настоящем прославляемого.

12. Подготовить икону БМ Казанской, принадлежавшую о. Серафиму (во всех случаях пусть он участвует), а так же икону БМ Скоропослушницы из дома Ермаковых, прп. Серафима с мощами (от Екатерины Филипповны Уваровой), хоругвь с образом блг. кн. Александра Невского, что из «Спаса-на-водах».

13. Почтить присутствие всех живущих свидетелей чудесного жития прославляемого. Нет ли среди них в священном сане (О. Владимир Сидоров, о. Ливерий Воронов, м. б. о. Василий Ермаков, Николай Анатольевич Заболотский и иже с ними), а так же принимавший участие в погребении студент ... курса Академии, теперь наш Первоиерарх Алексий II.

14. Решить дело с хором – 2 или 1 (мужской и женский или смешанный).

15. Если богослужение накануне окончится поздно – в 11 ночи – благословить ужин (Пусть легкий, в виде чая с сухарями).

16. Прихожан подвигнуть заранее на подвиг странноприимства. (Приложение 1).

17. ОСОБО ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ, ЕСЛИ В ЭТОМ БУДЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ, – ОДЕЖДУ И ОБУВЬ ПРИГОТОВИТЬ ДЛЯ ПРОСЛАВЛЯЕМОГО ЗАРАНЕЕ: параман, исподния одежды, одежды верхния, подрясник, ряса, схима с куколем, крест наперстный, /неразб/ с надписаниями имен проводивших дело прославления, с указанием Лета Господня или же уместнее сей список лиц отгравировать на «дзище» (на медной пластине) и положить в нижнюю часть подушки под голову прославляемого.

Приложение 1

Как враг зол, как ненавистно ему все братское, христианское отношение друг ко другу – перестали давать приют паломникам, людям Божиим, благодетельствовать (у тех, кто не имеет, где главы подклонити, все меньшие шансов или так сказать возможностей найти временный приют). Дело в том, что все разрознены. А на литургии поем: «Един Свят, Един Господь в славу Бога Отца. Аминь». И Его просим: «и дажь нам едиными усты, единым сердцем славить пречестное и великолепное имя Твое – Отца и Сына и Святого Духа. Ныне и присно и во веки веков. Аминь»

Верую, Господи, помоги моему неверию. О мощах никак не могу что-либо сказать – исследовать или не исследовать.

Как только прославляемый скончался, так молитвенно стали обращаться к нему, и знали соотечественники, что он всех приглашал: «Приходите ко мне как к живому». И вот мы вновь и вновь приходим к нему, а сегодня, в общий день торжества, с полной уверенностью в его

молитвенное представительство. И вера эта не посрамит нас».

Конспект проповеди отца Алексея живо дает почувствовать атмосферу прихода Казанской церкви того времени, а так же настрой самого батюшки. Старые прихожане храма до сих пор (хотя прошло уже 11 лет) вспоминают, как служил отец Алексей: неспешно, сосредоточенно, музыкально. Кроме того, старался сохранять установленные до него традиции. В архиве находится одно интересное свидетельство.

Живое свидетельство из прежних лет – традиция молебнов перед иконой Тихвинской БМ

Среди бумаг о. Алексея сохранилась запись, которая рассказывает об одной из важных традиций, которая сложилась в первые годы существования храма и поддерживалась протоиереем Алексеем Коровиным.

Приведем здесь безхитростный рассказ простой вырицкой прихо-

жанкой, который теперь можно рассматривать как исторический документ:

«Записано со слов Серафимы Алексеевны, урожденной Дементьевой.

Событие это произошло при добром здравии отца Порфирия (год не знает). Была очень сильная засуха, так что выгорела вся трава в огородах и на полях, и скотину было нечем кормить.

Жители деревни Вырица попросили служить молебен отца Порфирия. Было это в праздник Тихвинской иконы Божией Матери. Служили на том месте, которое в народе называется Шведское кладбище (находится оно, если переехать мост через Оредеж в сторону Курковиц с левой стороны).

Молебен начался при ясном голубом небе, и к концу молебна наблюдало облачко, и такой пошел дождь, что всех вымочило до нитки. Никто до конца молебна не ушел, ни один человек: ни дети, ни мужчины, ни

женщины. С этого дня засуха прекратилась.

Следующая история: начался падеж скота, это было, вероятно, в 1948 году.¹ Отец Михаил ходил по домам, служил молебны в каждом доме и окроплял святой водой животных, и падеж скота прекратился.

Мо дня прекращения засухи стали считать образ Тихвинской Божией Матери нашей заступницей. И стали чтить этот праздник, была заказана икона для храма.

Очень просим в память о том событии служить молебны /о хорошей погоде/, ведь это только раз в году, без напоминания.

Отец Алексей за каждой Божественной литургией поминал тех, кто потрудился для созидания любимого храма. Сохранился его рукой написанный синодик:

1 Мемуаристка ошибается, не точно указывает дату, т. к. упоминаемый о. Михаил Иванов начал свое служение в Вырице в 1950 году.

**«Памятник «Создателей,
благотворителей, служителей,
прихожан храма сего»**

Протоиерея Порфирия (1 настоятель +22.9.1935

Михаила (Михаил Витольдович Красовский, архитектор храма)

Мария — супруга его

Князя Иоанна Константиновича (вел. кн. Иоанн почетный Председатель Братства при храме Казанской иконы Божией Матери)

Владимира (соавтор Красовского, военный инженер Апышков В. П.)

Убиенного Митрополита Владимира (Богоявленский, по его благословению образовалось Братство в Вырице).

Митрополита Вениамина (Казанского, будучи епископом Гдовским освятил Казанскую церковь 6 июля 1914 года, впоследствии митрополит Петроградский).

Архиепископа Алексея Тобольского (архиерей, совершивший закладку храма 17.7.1912г.)

Архиепископа Никона (Рождественского, поднятие колоколов и креста 25.5.1914г.)

Протоиерей Георгия (Преображенского, настоятеля церкви Петра и Павла, принимал участие во всех церемониях, возглавлял крестный ход и встречу архиеп. Никона на вокзале 25.5.1914 г.)

Патриарха Дамиана Иерусалимского (Действительный член Братства, жертва 10 руб. золотом и икона Воскресения Христова с частицей камня от Гроба Господня, которая теперь в Ленинградской Духовной академии)

Игумена Софрония (? Сопровождал Патриарха Дамиана)

Иеродьякона Доримедонта (Чемонданова, соревнователь 1 разряда)

Дьякона Иоанна (Востоков И. П., действ. Член Братства 3 р.)

Иерея Илии (Зотиков И. И. д. чл. Б. № р.)

Владимира (Саблер В. К. — обер-прокурор Св. Синода)

Дьякона Симеона (Шевцов С. Ф.

Почетный член Братства, концерт-
мейстер)

Монахини Параскевы (жертвав-
стихарь для мальчиков)

Монахини Капитолины (ж. 25)

Монахини Пелагеи (ж.50)

Протоиерея Николая (благочин-
ный данного округа)

Тroe из поминаемых о. Алексеем
ныне прославлены в лике святых: св-
муч. Вениамин и свмуч. Владимир,
новомуч. Кн. Иоанн.

А теперь среди этих имен и, ве-
рим, вкупе в Небесных обителях,
стоит имя приснопоминаемого про-
тоиерея Алексея. Отшел он ко Го-
споду 26 октября 2005 года.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*История строительства
храма в честь иконы
Казанской Божией Матери
в Вырице*

В семействе многолетнего настоятеля храма в честь иконы Казанской Божией Матери протоиерея Алексея Коровина сохранилось уникальное издание¹, которое позволяет увидеть, какими трудами создавался храм, недавно отметивший свой 100 летний юбилей, сколько людей внесли при его обустройстве и благоукрашении добровольные пожертвования. Это было по-настоящему братское, соборное дело.

Многое из того, что украшало храм при его освящении, ныне утрачено. Тем более важно про-

1 Печатается в сокращении, исключены пространные списки действительных членов Братства и соревнователей. Благодарим матушку Людмилу Коровину за предоставление материалов для этой книги.

честь на первый взгляд чисто бухгалтерские списки пожертвований — за ними стоит история храма и судьбы людей. Их самоотверженное служение Дому Божию — пример для всех нас.

На основании публикуемого ниже документа не раз уже в различных изданиях воссоздавалась история строительства Казанского храма. Но одно дело — пересказ, а другое дело — подлинный текст очевидца. Сам архаичный язык документа, неспешность и подробность изложения дают возможность прикоснуться к исторической достоверности и подивиться чувствам и настроениям людей ушедшей эпохи. Например, верноподданейшим чувствам по отношению к Царскому Дому, которые они старались искренне выразить, а так же живому участию в судьбах всей России и своей малой родины.

Отчет со дня возникновения Братства по 1 Января 1915 года

Очерк истории возникновения братства в связи с вопросом о построении храма

В 1910 году близ станции «Вырица» Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги возник новый поселок «Княжеская Долина». Новый поселок представляет из себя уютный уголок природы с сухой и здоровой почвой, сосновым лесом и живописными берегами реки Оредеж. Неудивительно, что он вскоре привлек к себе внимание публики, и люди, купившие участки, стали строиться на них и поселяться в означенной местности.

Православные русские люди, поселившись там, прежде всего подумали о самой насущной потребности для поселка. Явилась нужда в храме Божием. Мысль о храме быстро объединила участковладельцев, и 2 августа 1912 года состоялось первое общее собрание жителей поселка,

посвященное вопросу о храме. Так как желательность иметь в поселке свой храм была единогласно признана всеми присутствовавшими, то собрание прежде всего занялось обсуждением и приисканием подходящего для постройки храма места. По справке в конторе владельца поселка оказалось, что при разбивке участков хозяином имения князем Сайн-Виттенштейном были назначены под храм два смежных между собою участка между Пильным и Майским проспектами по Ракеевской улице за №№ 24 и 26, но, при осмотре их участковладельцами, они были признаны непригодными. Общее собрание, наметив в том же собрании осмотренные ранее и выбранные ими в центре поселка по Магистральному проспекту угол Ракеевской улицы участки земли за №№ 47, 45/9 и 7 под постройку храма, избрало из своей среды депутатию, поручив ей благодарить владельца за его заботы о духовных нуждах участковладельцев, и просить князя о замене

отведенных под постройку храма участков земли другими выбранными участковладельцами. Приняв и выслушав депутатию, владелец обещал подумать и прислать свой письменный ответ, который вскоре и был получен. Князь сообщил, что хотя оценка просимых участков площадью 1771 кв. саж. значительно превосходит ранее им предоставленные, но он согласен скинуть со стоимости 2834 рублей этих участков при наличном расчете 50 % (1417 рублей) и кроме того пожертвовать от себя лично 700 рублей, так что участковладельцам придется доплатить всего 717 рублей.

Вновь созванное второе общее собрание участковладельцев, выслушав сообщение князя, решило принять эти условия и купить намеченные участки, о чем письменно уведомить его и выразить ему за отзывчивость на их просьбу и за пожертвование сердечную благодарность. В том же собрании была открыта подписка на приобретение

этих участков и, благодаря отзывчивости присутствовавших, нужная сумма была собрана и внесена в контору владельца в уплату за купленные участки. Независимо от сего означенное собрание поручило уполномоченным избранным лицам совершить от имени общего собрания купчую на означенные участки и по совершении созвать третье собрание.

Уполномоченные лица, приступив к выполнению сего поручения, встретили серьезные препятствия к совершению купчей крепости. В виду того, что купчая крепость могла быть совершена только лицом, которое обладает правами приобретать в общественную собственность землю, а такового лица не имелось, то созванному 3-му общему собранию уполномоченные лица доложили о вышеизложенном. Общее собрание, заслушав это сообщение, нашло выход из означенного положения: решило учредить Братство с определенным уставом. В том же со-

брании был предложен проект устава (...) подпísанный устав избранные уполномоченные лица представили на утверждение высокопреосвященнейшему Владимиру Митрополиту Петроградскому и Ладожскому.

9 декабря 1912 года после торжественного молебна Покровительнице Братства, Царице Небесной, Братство официально открылось. (...) После молебна решено было послать Государю Императору верноподданническую телеграмму, оглашен был ее текст и единодушно принят: «Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу. Общество нового поселка «Княжеская долина» Царскосельского уезда, объединившись в союз Братства в честь иконы Казанской Божией Матери поставило своей задачей построить у себя в поселке храм в память 300-летия Царствования Дома Романовых. В день своего открытия 9 декабря члены Братства, испросивши помощи и благословения Божия

на свое святое дело, преклонили колена перед Заступницей усердной и горячо молились о здравии и благодеянии Вашего Императорского Величества и всей вашей августейшей семьи».

Затем хор исполнил торжественный гимн «Боже, Царя храни», покрытый дружно несмолкаемым «ура!» Всеми присутствовавшими. (...) После выборов членов совета Братства и ревизионной комиссии общее собрание занялось рассмотрение и одобрением проектов будущего Храма. Учредителям было представлено пять проектов. Большинством голосов, закрытой баллотировкой был избран и одобрен проект архитекторов В. Р. Апышкова и М. В. Красовского, отличающийся своей древне-русской стильностью. В дальнейшем вся работа и заботы о постройке храма и изыскании для сего средств были возложены общим собранием на Совет Братства.

Деятельность Совета Братства. Закладка, строительство и освящение Храма

В заседании Совета 3 февраля 1913 года была доложена председателем Братства телеграмма Его Императорского Величества в ответ на всеподданнейшую телеграмму, посланную в день открытия Братства 9 декабря 1912 года. Текст высочайшей телеграммы выражался следующими словами: «Прочел с удовольствием».

Доложенная Высокомилостивая телеграмма Его Императорского Величества была выслушана стоя и воисторженно приветствована. (...)

На собрании членов Совета Братства, состоявшегося 27 февраля 1914 года, было единодушно постановлено в виду того, что постройки храмов, возводимых в память 300-летия Царствования Дома Романовых на Руси, почти все производятся под покровительством Особо Царствующего Дома Романовых, всепокорнейшее просить Его Высочество Князя Ио-

анна Константиновича быть Почетным Покровителем Братства. Была послана телеграмма: Его Высочество, Князю Иоанну Константиновичу

«Храм, созданный в дачном поселке «Княжеская Долина», состоящим под Покровительством Вашего Высочества Братством, в ознаменование 300-летия Царствования Дома Романовых преосвященным Вениамином, епископом Гдовским, 6-го сего июля освящен. В новом храме пред Престолом Всевышнего вознесены горячия молитвы о здравии Вашего Высочества на многие лета. Члены Братства очень сожалеют, что Ваше Высочество не имели возможности разделить нашу молитвенную радость. Надеются, что в недалеком будущем Вы найдете возможным помолиться в новом храме». (...)

Государь Император по всеподданнейшему докладу Обер-Прокурора Святейшего Синода во 2 день мая 1914 года Высочайше соизволил на утверждение Его Высочества Князя Иоанна Константиновича в зва-

нии Почетного Покровителя Братства в честь иконы Казанской Божией Матери по постройке храма в память 300-летия Царствования Дома Романовых в дачной местности «Княжеская Долина» близ станции Вырица Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги.

(...) 14 июня 1913 года состоялась торжественная закладка Храма ее совершил Высокопреосвященнейший Алексий, архиепископ Тобольский при участии многих духовных лиц и при многочисленном стечении народа. Была послана телеграмма Его Императорскому Величеству с выражением радостных чувств. К осени 1913 года Храм вчерне уже был закончен, вырублены стены, выведена шатровая глава Храма, сделана колокольня, настланы верхние черные потолки, положена по толю смазка. Верх покрыт железом. Вся площадь церковного участка обнесена высоким досчатым забором со стильными рублеными воротами. Зимой постройка на время была

приостановлена. Но с начала весны 1914 года снова возобновлена. Строительная Комиссия и Совет Братства принимали все меры к тому, чтобы закончить постройку ко дню Храмового Праздника 8 июля с тем, чтобы в этот день совершить освящение Храма.

24 мая 1914 года состоялось поднятие колоколов и крестов на строящийся Храм. При огромном стечении дачников и окрестного населения крестных ход во главе с о. Георгием Преображенским, Настоятелем Петропавловской Вырицкой церкви, встретил на вокзале железной дороги прибывшего на торжества Члена Святейшего Правительствующего Синода Высокопреосвященнейшего Архиепископа Никона в сопровождении многих священнослужителей. Высокопреосвященнейший Никон в сослужении всего прибывшего и приглашенного духовенства совершил молебствие и чин освящения колоколов и крестов, которые затем были подняты на Храм.

6 июля того же года совершилось освящение Храма, чьему накануне предшествовало всенощное богослужение, совершенное отцом протоиереем Ф. Н. Орнатским с другим приглашенным духовенством и при пении певчий л.-гв. Семеновского полка. В день освящения Храма на таковое торжество прибыл Преосвященнейший Вениамин, Епископ Гдовский и в сослужении с другим духовенством совершил чин освящения Храма и Божественную Литургию.

В этот же день были оглашены посыпаемые телеграммы на имя Государя Императора, Князя Иоанна Константиновича и Высокопреосвященнейшего Митрополита Владимира Петроградского и Ладожского.

Деятельность Ревизионной комиссии

Ревизионная комиссия в составе Членов: М. И. Кузовлева, М. Е. Вертера, Я. Д. Платонова и кандидата А. А. Терликова следила за отчет-

ностью Совета Братства. За время постройки храма она несколько раз собиралась для проверки сумм и оправдательных документов и каждый раз о результатах своей ревизии заносила соответствующие записи в приходо-расходную книгу. Независимо от сего она в подлежащих случаях и сама навещала постройку.

Особые заслуги лиц, потребившихся на пользу Братства

Председатель Братства о. Порфирий Сергеевич Десницкий – вдохновитель сооружения Храма, способствовавший к привлечению пожертвований на храм.

Товарищ Председателя П. Н. Летуновский – положивший начало постройки храма, явил пример щедрой жертвы и любви к созидаемому храму. Он мало того, что жертвовал деньгами, много потрудился, наблюдая за деталями постройки, везде внося вкус, практические знания и опыт.

Председатель Строительной Комиссии П. Я. Мешков с полным знанием строительного дела неотступно следил за постройкою. Заботился о своевременной доставке материалов, правильном расходовании их, предупреждая самые малейшие частные упущения или несовершенства при постройке. Он же жертвовал деньгами, дабы не пристанавливать постройки храма, и с особеною любовью заботился о благоукрашении храма.

Казначай Братства В. К. Горохов, с большим вниманием и бережливостью относился к братским средствам, расходовал их с большой осторожностью, соблюдая всякий раз экономию, и, кроме того, пожертвовал из своих личных средств на устройство колокольного звона около четырех тысяч рублей.

А также оказали Братству значительные услуги пожертвованиями и изысканием средств А. Х. Ефремов, А. И. Кудряев (владелец т/д В. П. Липина Н-ки), И. И. Колобов, Б. Н.

Веретенников, Е. И. Кузнецова. Д. Ф. Анисимов, С. Ф. Шевцов, А. М. Прокхоров, М. М. Игнатьев, М. П. Платонова, Л. М. Мунц, Н. Г. Денисов, А. В. Миловидов, А. В. Соколова и М. Таганова.

Кроме того, А. Х. Ефремов, А. И. Кудряев и И. И. Колобов открыли широкий кредит на строительный материал и работы, чем способствовали успешному окончанию постройки.

Глубокое и искреннее «спасибо» всем Членам Братства и жертвователям, которые проявили свое сочувственное отношение к Братству.

В виду начавшихся военных действий в войне с Германией, Австро-Венгрией и Турцией и вызванных означенною войною притоком пожертвований со стороны различных учреждений для покупки защитникам родины необходимого белья, Братство не могло отнести безучастно к означенному делу и по инициативе и. о. церковного старосты П. Я. Мешкова при храме были

за период времени с 10 августа по 13 сентября 1914 года включительно собраны некоторые денежные пожертвования на означенное добре дело, затем закуплены необходимые материалы, и при усердии Е. А. Мешковой и других Членов Братства спиты до 100 комплектов теплого белья которые 23-го того же сентября были отправлены в отдел склада Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны при доме военного министра и сданы под квитанцию за № 515.

За означенное пожертвование 29 того же сентября на имя Братства была выражена благодарность.

Пояснительная записка к стилю храма

Реформы Петра Великого, сравняв культуру древней Руси с культурой цивилизованных государств западной Европы, одновременно с этим стремились уничтожить все самобытное, отмеченное печатью русского народного вкуса. Такое

направление не могло не отразиться на архитектуре вообще и на церковном строительстве в частности и вследствие этого на Руси начали строиться такие храмы, которые не

имели ничего общего с религиозной мыслью русских людей, остававшейся почти неизменной со дня принятия христианства. Примером такого строительства может служить Вознесенский монастырь в Москве, построенный в готическом стиле, который всегда служил выразителем идей католичества, а никак не православия.

Конечно, такое направление долго продолжаться не могло, и русские люди стали постепенно охладевать к архитектуре, совершенно чуждой их духу, по крайней мере, в области церковного зодчества, и уже при Императоре Николае I взоры передовых людей начинают обращаться к родной старине, ее начинают изучать и охранять ее памятники. Следствием этого являются такие сооружения, как Троицкий и Введенский соборы в Петрограде, все еще далекие от идеала допетровской Руси. Однако, постепенно, наравне с увеличением изучения старинных церквей, и новые начинают к ним все более и

более приближаться и, наконец, в наше время появляются такие храмы, как церковь в память моряков, погибших при Цусиме, которая безусловно прекрасна и в то же время бесспорно чисто русская по духу ее композиции.

Все сказанное касается преимущественно храмов каменных, но и церкви деревянные в послепетровскую эпоху сильно изменили свой внешний облик, так как при постройке их зодчие стремились подражать формам каменных церквей и таким образом шли вдвойне ложным путем.

Такой взгляд строителей продержался гораздо дольше, чем это можно было предполагать, и сменился в конце прошлого столетия другим, руководствуясь которым зодчие строили деревянные церкви, похожие на дешевые пригородные дачи и совершенно не отвечающие, вследствие своей пошлости и игры внешности, той серьезности и величию, которыми должно отличаться

от людского жилья церковное здание.

Наконец, в начале текущего века строители стали всматриваться туда, куда следует — они стали изучать деревянные церкви нашего севера, где сохранилось много памятников древнего деревянного строительства, оценили их величаво-спокойную красоту и простоту и стали им подражать в своих произведениях.

Вот почему авторы проекта церкви для Вырицы руководствовались как для плана, так и для фасадов теми принципами, которые господствуют в церквях олонецких и вологодских, совмещая их одновременно с требованиями нынешней техники.

*Подписали: Апышков. Красовский.
1912 г.*

Общие собрания

За отчетный период времени были созваны 3 общих собрания:

9 декабря 1912 года — день открытия Братства.

6 февраля 1914 года — годовой отчет по Братству был заслушан собранием, но за неимением отзыва Ревизионной Комиссии рассмотрение и утверждение его было отложено до следующего собрания.

В том же собрании были избраны в почетные члены Братства 8 человек: П. С. Десницкий, П. Н. Летуновский, В. К. Горохов, П. Я. Мешков, А. Х. Ефремов, Д. Ф. Анисимов, Б. Н. Веретенников и диакон С. Ф. Шевцов.

8 мая 1914 года — ввиду некоторой неполноты отчета признано было хотя и утвердить отчет, но все-таки издать его за все время со дня возникновения братства по 1 января 1915 года, в котором и была обрисована вся картина постройки.

Доклад Ревизионной комиссии общему собранию Братства

Ревизионная комиссия за отчетный период времени неоднократно собиралась для проверки приходо-расходной книги и капиталов Братства, причем остаток денег и

оправдательные документы на произведенные расходы были в должном порядке.

Ревизионная комиссия, ревизуя дела и имущество Братства, обращает внимание гг. членов на следующее:

1) необходимо предоставить совету Братства от имени общего собрания право, в случае каких-либо торжественных моментов в жизни Царствующего Дома, а также Почетного Покровителя Братства Его Высочества Князя Иоанна Константиновича, изъявлять чувства искреннего поздравления с тем, чтобы о сем докладывалось в ближайшем общем собрании, а в чрезвычайных случаях созывалось экстренное общее собрание.

2) ввиду резкого уменьшения поступление членских взносов в 1914 году, необходимо общему собранию пособить совету Братства в этом деле и кроме того сообщать места их последних жительств;

3) необходимо, ввиду окончания сооружения храма изыскать средст-

ва, хотя бы частичного погашения долгов Братства, выразившихся в цифре 15182 рубля 16 коп.

*Члены Ревизионной комиссии
М. Вертер, А. Терликов.*

Храм Братства

Со дня освящения храма службы совершились в нем только в летний дачный сезон, ввиду неприспособленности храма для совершения их в зимнее время.

Приход за 1914 г. выразился 1399 руб. 79 к.

Расход — 1159 руб. 30 к.

Список вещей, пожертвованных для храма:

Иконостас, иконы, киоты и хоругви

П. Н. Летуновский — иконостас, средний размер, выполненный по рисункам инженера Красовского. Дубового резного дерева с металлическими приборами.

Икона св. Иоасафа Белгородского Чудотворца на липовой доске, с ковчежцем строгановского письма

в висячем светло-дубовом киоте, с бронзовым отливным кронштейном.

Запрестольный крест деревянный, с басмою зеленого золочения и камнями. Живопись греческая.

Запрестольная икона Владимирской Божией Матери на доске, обитая басмою зеленого золочения с камнями. Живопись греческая.

Две хоругви бронзовые, зеленого золочения, чеканенные, со смолевыми рамками, вокруг икон, художественно открытой живописи, со сконными ажурными лопастями и камнями. К ним же бронзовые держалки.

П. Я. Мешков — икона Казанской Божией Матери, в серебряной оправе, с камнями, художественного письма.

Икона святителя Николая Чудотворца (Можайского), строгановского письма, на деревянной доске с ковчежцем, в стоячем светлого дуба киоте, с бронзовым отливным кронштейном.

Икона Тихвинской Божией Матери, строгановского письма, на деревянной доске с ковчежцами, в стоячем светлого резного дуба киоте.

Икона св. Великомученицы Екатерины, строгановского письма, написана на липовой доске с ковчежцем, в киоте висячем светлого дуба, с бронзовым отливным кронштейном.

Икона св. Анны Пророчицы и Иакова Брата Господня, строгановского письма, на липовой доске с ковчежцем, в висячем киоте светлого дуба, с бронзовым отливным кронштейном.

Икона св. Царицы Александры и Георгия Победоносца, строгановского письма на липовой доске с ковчежцем, в висячем киоте из светлого дуба, с отливным бронзовым кронштейном.

Икона св. Иоанна Воина и Целителя Пантелеимона, хорошего строгановского письма на липовой доске с ковчежцем, в висячем киоте светлого дуба, с отливным бронзовым кронштейном.

Икона св. благоверного князя Александра Невского на цинке, живописная, без рамы.

Икона Спасителя, в золоченом металлическом окладе в дубовом киоте с лампадою.

Икона Спасителя и Казанской Божией Матери на цинке (помещена в рубленых воротах).

Икона (Деисус) Спаситель, Богоматерь и Иоанн Креститель на цинке. Помещена на тех же воротах с внутренней стороны.

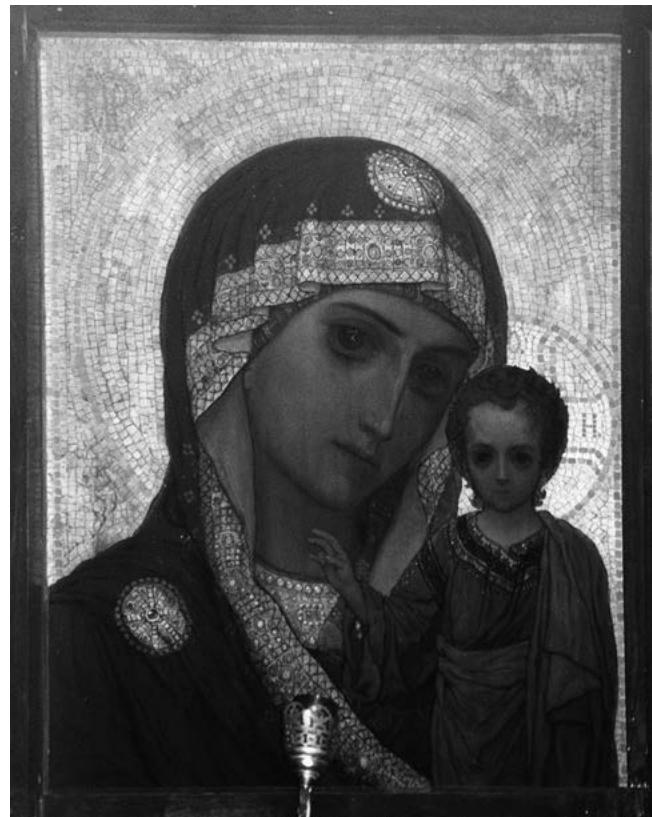
Икона Воскресения Христова на деревянной доске, помещена на лицевом крыльце.

Икона Двунадесятых праздников, иконописная, старая, в киоте.

Икона святых (Семейная, иконописная, без киота):

А. А. Кузнецова — Голгофа запрестольная, живописная.

Икона св. благоверного князя Александра Невского, на липовой доске с ковчежцем, хорошего строгановского письма, в висячем светлом дуба киоте.

Б. Н. Веретенников — икона св. Серафима Саровского Чудотворца, строгановского письма, в висячем, светлого дуба киоте, с бронзовым отливным кронштейном, икона написана на липовой цке с ковчежцем.

А. П. Трифонов — икона Казанской Божией Матери, на деревянной

доске художественного письма, фон под мозаику.

Через диакона С. Ф. Шевцова – икона святителя Николая Чудотворца, в серебряном басменном окладе.

Н. А. Кобылин – икона праведной Елисаветы, в серебряном окладе. Старая, в дубовом киоте.

Икона св. Евдокии и Анны Пророчицы, в серебряной позолоченной ризе, в дубовом киоте.

Икона Казанской Божией Матери в серебряной ризе. Старая.

В. К. Саблер – икона св. князя Владимира, шитая шелками, ручной работы.

Патриархом Иерусалимским Дамианом – икона Воскресения Христова, содержащая в себе частицу камня Гроба Господня.

Старица Матрона – икона явления Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому, в киоте, старая.

П. М. Гуреев – Икона Казанской Божией Матери, живописная на полотне и подрамке.

Богданова, М. А. – икона Скорбящей Божией Матери (копия), без киота.

А. П. Мельников – икона Георгия Победоносца, живописная, в дубовом киоте.

Икона Св. Троицы, в киоте.

М. Яковлев – икона Благовещения Пресвятой Богородицы, в киоте. Выносная.

В. К. Горохов – икона главы Иоанна Крестителя. Выносная.

Икона св. Питирима, епископа Тамбовского. Выносная.

И. А. Калинин – икона Покрова Пресвятой Богородицы. Выносная.

Икона Успения Пресвятой Богородицы. Выносная.

Икона Преображения Господня. Выносная.

Икона Рождества Пресвятой Богородицы. Выносная.

Икона Воздвижения Животворящего Креста Господня. Выносная.

Икона Св. Троицы. Выносная.

Икона Спасителя, живописная, в металлическом окладе, в киоте,

помещена над Царскими вратами с внутренней алтарной стороны.

Неизвестным — икона четырех святых, старая, в киоте.

И. А. Калинин — икона св. Серафима Саровского (старая), в металлической ризе, в киоте.

Св. престол и напрестольные принадлежности

А. А. Кузнецова — престол кипарисного дерева на дубовом основании.

М. М. Игнатьев — одежда белая мраморная на престол.

Н. Г. Денисов — большое Евангелие в серебряном окладе с камнями, сконное, стильное. Иконопись под слюдою.

Лента, закладка для Евангелия.

Эйландт — деревянный напрестольный крест, с иконописью, в серебряном окладе, в слюде, стильный.

Фабрика церковных вещей Мешков — Евангелие малое, в бархатном окладе с серебром.

Св. крест малый, серебряный, вызолоченный.

П. Я. Мешков — Евангелие напрестольное в лист девятивершковое, в бархатном окладе, с бронзовым матового зеленого золочения пропильным крестом, с иконою Спасителя в камнях.

Неизвестный — одна пара трехсвечников на престол. Бронзовые, матового зеленого золочения. Пропильная ветка, павлинье перо. К ним же 6 металлических свеч, окрашенных под воск.

Священные сосуды и церковная утварь

М. П. Платонова — Сосуд-Чаша. Серебряная вызолоченная, с эмальевыми украшениями, дискос, звездица, два ковшичка и копия.

А. В. Миловидов — Дарохранительница серебряная вызолоченная (под стеклянным футляром).

Фабрика церковных вещей Мешков — кондия, белого металла с вызолоченной серединой и кропило.

А. М. Прохоров — кадило серебряное вызолоченное.

2 кадила белого металла.

1 свеча диаконская, золоченая (бронзовая).

Прибор для освящения хлебов, белого металла.

1 Псалтирь — следованный.

Святейшим Синодом — Дароносица серебряная вызолоченная.

Трехсвечник пасхальный, бронзовый с эмалевыми украшениями.

Круг богослужебных книг.

Паникадило, подсвечники, лампады и панихидница.

П. Н. Петуновский — паникадило двухъярусное, в 28 свечей, бронзовое, отливное, под старую бронзу, с хрустальными цепями, с бронзовыми отливными подвесами.

К паникадилу прибор в 28 свечей, металлических, окрашенных под желтый воск, с пружинами.

Цепь 11 аршин для подвесок паникадила, окрашенная.

1 лампада, висячая, бронзовая, чеканенная, под старое золото.

1 бронзовый, отливной кронштейн 9 вершков к лампаде, свеча металлическая, окрашенная под жел-

тый воск. Лампада помещена к местному образу Спасителя в иконостасе.

Таковая же лампада с кронштейном и металлическою свечою помещена к местному образу Казанской Божией Матери в иконостасе.

1 лампада висячая, бронзовая, оксидированная под старое серебро.

1 кронштейн бронзовый, отливной, под старую бронзу 9 вершков.

1 свеча металлическая, окрашенная под желтый воск. Помещена к образу целителя Пантелеимона в иконостасе.

Таковая же лампада, кронштейн и металлическая свеча. Помещены к образу Иоанна Воина в иконостасе.

К. А. Кузнецов — семисвечник бронзовый, золоченый (запрестольный), с лампадами (стильный).

Д. Ф. Анисимов — панихидница металлическая, оксидированная, с мраморною доскою, золоченым прибором и добавочными тремя возиками.

Е. В. Былинин — панихидница металлическая, белая, выносная.

Л. М. Мунц – два подсвечника к престолу на деревянных резных, корельской березы колонках, с бронзовыми золочеными подсвечниками, с металлическими, окрашенными под желтый воск, свечами (стильная).

Е. Цивулева – один шандал на жертвенник, в одну свечу, бронзовый, матового золочения, с накладным крестом.

Д. М. Сигов – один подсвечник бронзовый, золоченый, матового золочения, колонка резная, мореного дуба, с металлическою, окрашенною под воск свечою.

В. К. Васильев – таковой же подсвечник.

П. Я. Мешков – таковой же подсвечник.

В. К. Горохов – два подсвечника белого металла, с фарфоровыми свечами.

А. П. Мельников – крест напрестольный. Аналои, мебель, ковры и др. хозяйствственные принадлежности храма.

А. А. Кузнецова – 1) два деревянных аналоя, высоких, под одежды; 2) один деревянный жертвенник (дубовая крышка) под одежды; 3) два квадратных столика в алтарь под одежды; 4) один пюпитр, складной для чтеца.

Б. Н. Веретенников — ковер персидский, новый.

И. А. Калинин — ковер бархатный, новый.

В. К. Васильев — дорожка бархатная, с медными прутьями.

П. Я. Мешков — зеркало в дубовой раме, новое, шкаф ольховый, новый (находятся в алтаре); шкаф ольховый (находится в свечной), письменный стол (в стор.), 6 венских стульев, новых, подносы металлические, белые (под просфоры).

Кресты и колокола

Е. И. Кузнецова — св. кресты на храме и вратах разного размера, 4 шт., железные, позолоченные золотом в 1 золотник достоинством, колокола в 9 п. 14 ф., в 3 п. 9 ½ ф. и в 2 п. 3 1/2 ф.

П. Н. Летуновский — колокол весом в 158 п. 20 ф. е железным языком в 6 п., машинка.

В. К. Горохов — 2 колокола, весом один в 73 п. 10 ф. другой 43 п. 5 ф.

с железными языками и хомутами, с ремнями.

Таганова — в память мужа: колокола в 7 п. 32 ф., в 1 п. 11 ¼ ф. и в 22 ¾ ф.

Облачения, одежды и пелены

Г. Я. Мешков — парчовое цветами желтое облачение для священника, с прибором и набедренником, стихарь для диакона с прибором и стихарь для псаломщика.

Соколова — риза для священника с прибором и стихарь для диакона с прибором из белой металлической парчи.

П. Я. Мешков — риза для священника с прибором, стихарь для диакона с прибором и воздухи из красного плюша с желтыми парчовыми оплечиями.

Монахиня Параскева — стихарь для мальчика, из недорогой белой парчи, металлической.

Кобылин — одежда на жертвенник белой никелевой парчи, покрывало на престол и жертвенник синего атласа и две пелены на аналои.

A. Т. Десницкая – покров на престол красный, шелковый и пелена на пюпитр.

Неизвестный – завеса на Царские врата шелковая, желтая.

E. M. Сергиевская – завеса на Царские врата шелковая, лиловая.

Неизвестный. – плат шелковый, с вышивкою и бахромою (старый). Окраска коего произведена на средства А. Т. Десницкой.

E. O. Гецковская – пелена на аналой, коричневая, вышитая, по канве и пелена на аналой белая, канвовая, вышитая на синем плюще.

Список приобретения на средства Братства

46 икон в иконостасе, разного размера и изображений на ольховых досках, с ковчежцами; мелкия иконы на цинке, хорошего строгановского письма.

Для Царских врат 2 иконы Спасителя и Божией Матери, открытого греческого письма, в серебряных 84 %, оксидированных басменных

оплечиях, размером 1 1/2 вершка.

Икона св. апостола Павла на липовой доске, строгановского письма, размером 2x1 аршина.

Икона св. мученицы Лидии, на липовой доске, с ковчежцем, строгановского письма, размером 2x1 аршина.

Киот местный, светлого дуба, резной к иконам св. апостола Павла и мученицы Лидии.

Икона Казанской Божией Матери, иконостасная, на цинке; помещена над дверьми главного входа.

3 ковшика мельхиоровых, золоченых, 3 копия со стальными лезвиями разных размеров, блюдо антидорное, бронзовое, оксидированное, матовое с гравированным рисунком, размером 8 верш. и блюдо оксидированное, матовое, антидорное, с гравированным рисунком, размером 6 1/2 верш.; тарелочка для просфор белая, гладкая, металлическая, кувшин для святой воды, ящик для св. мощей (для закладки св. престола) серебряный, позолоченный, блюдо сборное,

гравированное размером 8 верш., блюдо сборное, матовое, размером 7 верш., 2 кружки сборные, медные, овальные с надписями, кружка сборная, металлическая, круглая, с медным обручем и надписями, чайник красной меди никелированный, пара венцов, бронзовых (брачных) золоченых, чеканных, подсвечник, местный, большой, праздничный, бронзовый, золоченый, матовый, колонка резная, мореного дуба; к подсвечнику 3 свечи, окрашенные под желтый воск, лампада, висячая (копия находящейся в церкви Феодоровской Божией Матери в Ярославле), бронзовая, матовая, ажурная, чеканенная, оксидированная; к ней же бронзовый, отливной, под старую бронзу, кронштейн; лампада помещена к образу св. Павла и Лидии, 2 подсвечника, выносные, бронзовые, матового золочения с оксидированными колонками на конусе; к ним же две металлических свечи, окрашенные под воск, фонарь выносной, бронзовый, под старую по-

золоту, с наковкой металла, пятиглавый (стильный), пюпитр к престолу, светлого дуба, точеная ножка, умывальник железный, окрашенный; к нему 2 ведра и лейка, футляр для покрытия сосуда, железный, окрашенный, 2 ящика, железные для огарков, бронзированные.

Риза священническая, епитрахиль, пояс, 2 пары поручей, набедренник, палица золоченого глазета. Стихарь диаконский, орарь, стихарь псаломщицкий. Прибор воздухов сделаны из парчи, никелированных по белому шелку. Обшито золоченым галуном, с оплечиями по серебряно-матовому глазету, вышито золотом — крест и голуби.

Риза священника с прибором. Стихарь диаконский с прибором из белой парчи (металлической). Покров пожертвован.

Риза священническая с прибором. 1 стихарь диаконский с прибором из белой металлической парчи с желтым галуном. Покров пожертвован.

Два стихаря для мальчиков-послушников, из шелковой брикотели, рисунками, белый обшитый галуном.

Две одежды на аналой и пелены из шелковой белой брикотели.

Две одежды на столик и 1 пелена из шелковой белой брикотели.

Два кружка на сборные блюда из шелковой белой брикотели.

Шесть подrizников из шелковой чечунчи.

Крест напрестольный серебряно-вызолоченный 9 вершков. На приобретение Креста поступило пожертвования, собранные по подписному листу А. П. Мельниковым 41 руб. 50 коп.

Оглавление

Хранители Вырицы	3
Часть первая. К прославлению иеросхимонаха Серафима (Муравьева) – преподобного Серафима Вырицкого	
Письма к о. Алексею Коровину	9
На пороге Вечности Воспоминания правнучки прип. Серафима Вырицкого О. Д. Набоко	61
Часть вторая. Первый настоятель протоиерей Порфирий Десницкий	
Моя встреча с Дедом, или Собирание личности	147
Часть третья. Протоиерей Алексей Коровин.	
40 лет служения в храма Казанской Божией Матери	185
Часть четвертая. История строительства храма в честь иконы Казанской Божией Матери в Вырице	213

